

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

✦
Таинственный ключ
и другие мистические истории

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Луиза Мэй Олкотт

**Таинственный ключ и
другие мистические истории**

«Издательство АСТ»

1867-1869

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Сое)-44

Олкотт Л.

Таинственный ключ и другие мистические истории / Л. Олкотт —
«Издательство АСТ», 1867-1869 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151536-2

Мало кто знает, что перу Олкотт принадлежат популярные в свое время мистические повести и рассказы, издававшиеся под псевдонимом А. М. Барнард или анонимно. Как и ее героиня Джо Марч из «Маленьких женщин», Олкотт тайно писала захватывающие истории о запретной любви, загадочных убийствах, роковых женщинах, мстительных призраках и проклятиях древней колдуньи. В этом сборнике собраны лучшие истории: «Таинственный ключ и что он открыл», «Под маской, или Женская сила», «Призрак аббата, или Испытание Мориса Трехерна» и «Затерянные в пирамиде, или Проклятие мумии».

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-151536-2

© Олкотт Л., 1867-1869

© Издательство АСТ, 1867-1869

Содержание

Таинственный ключ и что он открыл	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	24
Глава VI	30
Глава VII	36
Глава VIII	40
Под маской, или Женская сила	45
Глава I	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Луиза Мэй Олкотт
Таинственный ключ и
другие мистические истории

Школа перевода В. Баканова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Таинственный ключ и что он открыл

Глава I Пророчество

*Ни Тревлиново золото, ни поместья
Не перейдут к наследникам честь честью,
Пока не вырвет воля дерзновенна
Признание у Тревлинова тлена.*

– Уже в третий раз я застаю тебя в размышлениях над этим старинным стишком. В чем тайна его очарования, Ричард? Полагаю, дело не в поэтическом слоге?

Узкая ладонь легла на пожелтевшую от времени страницу фолианта, где на староанглийском языке как раз и были написаны строки, над которыми насмеялась молодая жена.

Ричард Тревлин поднял взгляд, улыбнулся и поспешно отложил книгу, явно смущенный, что его застали за подобным чтением. Взяв жену под руку, он повел ее к дивану, с которого она поднялась, уложил снова, укутал теплой шалью, сел подле и заговорил беззаботным тоном, хотя глаза выдавали тревогу:

– Любовь моя, эта книга хранит историю нашей семьи. Наш род насчитывает несколько веков, но древнее пророчество пока не сбылось, разве только насчет наследников сказано верно. Я – последний из Тревлинов, и стоит ли удивляться, что теперь, когда вот-вот родится мое дитя, все мои мысли – о будущем, все упования – на то, чтобы ничто не мешало моему наследнику править именем и распоряжаться капиталами.

– Твои бы слова да богу в уши, – откликнулась леди Тревлин и добавила, кивая на древнюю книгу: – Однажды я прочла хроники рода Тревлинов. Сколько романтики! Что за страсти и кошмары! Неужели все это правда, Ричард?

– Увы, милая, все так и было. Жестокость и буйство у нас в крови, лишь два последних поколения нашего рода не запятнаны этими пороками. А начало всему положил старый сэра Ральф, свирепый норманнский рыцарь. В приступе ярости он ударил стальной перчаткой от доспеха собственного сына, поскольку юноша не желал подчиниться отцовской воле, и удар оказался смертельным.

– Как же, помню. У сэра Ральфа осталась дочь Клотильда. В фамильном замке она выдержала осаду, а затем вышла замуж за своего кузена графа Хьюго. Твои предки – мужественные воины, и они мне по душе, даже несмотря на их безумства.

– Вышла замуж за кузена! В неразумной гордыне Тревлины сочетались браком с близкими родственниками, и вот результат – в семье стали рождаться слабоумные и сумасшедшие. Мой отец первым нарушил этот порочный закон, и я последовал отцовскому примеру – отыскал самый свежий, самый здоровый цветок и пересадил его на тревлиновскую истощенную почву.

– Надеюсь, благодарностью тебе будет пышное цветение. Я никогда не забуду, как ты забрал меня из бедности и сделал счастливейшей женой во всей Англии.

– А я всегда буду помнить, как ты, в восемнадцать лет, согласилась покинуть родные холмы и согреть своим присутствием полузаброшенный дом и его хозяина – меня, старика, – с чувством произнес муж.

– Не называй себя стариком, Ричард! Тебе всего сорок пять, и в целом Уорикшире не найти мужчины бодрее и красивее, чем ты. Впрочем, в последнее время тебя гложет какая-то забота... Откройся мне, позволь дать тебе совет или утешение.

– Пустяки, Алиса, я просто волнуюсь за тебя... В чем дело, Кингстон? – совсем другим тоном спросил Тревлин, ибо последняя фраза относилась к лакею. Улыбка растаяла, едва Тревлин взглянул на поданную ему визитную карточку; губы побелели и пересохли. – Визитер здесь?

– Да, сэр. В библиотеке, сэр.

– Сейчас приду.

Швырнув карточку в камин, Тревлин проследил, как она обращается в пепел, и произнес, пряча глаза от жены:

– Ко мне пришли по делу, любимая. Очень досадно оставлять тебя, но совсем скоро я вернусь. Приляг, отдохни, пока я буду занят.

Приласкав жену, Тревлин поспешил к двери. Однако на пути было зеркало, и оно-то его выдало, отразив крайне напряженное лицо. Алиса ничего не сказала, обуреваемая внутренней борьбой.

«Он скрывает от меня причину своей тревоги, но я имею право знать. Он простит меня – ведь я докажу, что следила за ним с самыми благими намерениями».

Рассуждая так, Алиса поднялась, бесшумно выскользнула в холл, юркнула в чуланчик и, прильнув к замочной скважине в узенькой двери, чуть улыбнулась своей выходке. До ее ушей донеслись голоса. Реплики мужа звучали чаще, чем реплики визитера, некое слово, произнесенное Ричардом Тревлином, словно сдуло плутоватую улыбку Алисы. Молодая женщина вздрогнула, румянец сошел со щек. Она поникла и по телу пробежала дрожь, женщина стиснула зубы в попытке унять сердцебиение. Вот уже и в губах ее не осталось ни кровинки, взгляд сделался полубезумным, а дыхание – поверхностным. В тщетной попытке овладеть собой Алиса осела прямо на пороге чуланчика, словно застигнутая самой смертью.

– Боже, смилуйся над нами! Вам дурно, миледи? – вскричала Эстер, горничная Алисы, когда получасом позднее ее госпожа, подобная призраку, вошла в спальню.

– У меня слабость и озноб. Помогите мне улечься в постель. Только не посылай за сэром Ричардом, незачем его беспокоить.

Леди Тревлин уронила голову на подушку, словно не имела ни намерения, ни надежды когда-либо подняться с постели. Эстер, остроглазая женщина средних лет, после единственного взгляда на измученную госпожу вышла из комнаты, бормоча:

– Э, нет, надобно сэру Ричарду доложить. Не к добру явился этот чернобородый; ох, не к добру!

На пороге библиотеки Эстер помедлила. Изнутри не доносилось голосов; сдавленный стон – вот все, что расслышала горничная. Она вошла не постучавшись, охваченная безотчетным страхом. Сэр Ричард сидел за письменным столом, держа в руке перо, но лица Эстер не видела, поскольку хозяин положил голову на руки, вся его поза говорила о том, что он в полном отчаянии.

– Сэр, миледи дурно. Послать за доктором, сэр?

Ответа не последовало. Эстер повторила свои слова, однако сэр Ричард не шелохнулся. Вне себя от испуга, Эстер приподняла голову своего господина, увидела, что он без сознания, и стала звонить в колокольчик, призывая домашних на помощь. Увы, помочь Ричарду Тревлину было уже нельзя, хотя он и прожил еще несколько часов. Заговорил он всего один раз.

– Алиса придет со мной проститься? – едва слышно спросил умирающий.

– Приведите леди Тревлин, если она в состоянии идти, – велел доктор.

Эстер поспешила к госпоже и нашла ее в постели. Казалось, с тех пор как леди Тревлин оставили, она ни разу не шевельнулась и лежала, словно статуя, высеченная из камня. Когда ей

сообщили о несчастье с мужем, леди Тревлин твердо отвечала: «Скажите ему, что я не приду» и отвернулась к стене. Ее лицо хранило такое выражение, что Эстер не посмела сказать более ни слова. Ответ госпожи она передала доктору шепотом, но сэр Ричард все-таки расслышал – и умер с отчаянной мольбой о прощении.

Зарю сэр Ричард встретил в саване, а его маленькая дочь – в колыбели. Жена не оплакивала мужа, мать не радовалась младенцу – та самая жена и та самая мать, которая всего двенадцать часов назад называла себя счастливейшей женщиной в Англии. Слуги думали, что заодно с хозяином потеряют и хозяйку. Ей вручили запечатанный конверт, на котором значилось ее имя, оставленный сэром Ричардом. Леди Тревлин прочла письмо, спрятала у себя на груди и, очнувшись от транса, что произвел в ней такую критическую перемену, вдруг со страстью воззвала к домашним, чтобы непременно, непременно спасли ей жизнь. Двое суток она балансировала на краю могилы; позднее доктора утверждали, что спаслась леди Тревлин исключительно благодаря собственной воле к жизни. На третьи сутки кризис чудесным образом миновал, некая цель словно придавала леди Тревлин сил, которых не могло быть после такой болезни.

Наступил вечер. Все в доме затихло, ибо печальные приготовления к похоронам сэра Ричарда были завершены, и сам он проводил под родной крышей последнюю ночь. Эстер сидела у постели своей госпожи. Тишину нарушала только колыбельная, которую в детской, смежной с хозяйской спальней, пела маленькой сиротке нянюшка. Леди Тревлин спала; внезапно она отдернула полог и резко спросила:

– Где его положили?

– В главной зале, миледи, – отвечала Эстер.

Лихорадочный румянец вспыхнул на щеках госпожи, а глаза недобро сверкнули. Встревожило горничную и нехарактерное для леди Тревлин холодное самообладание.

– Помогите мне, я должна его видеть.

– Даже не думайте, миледи, это убьет вас... – начала Эстер.

Алиса Тревлин не слушала. Бледность ее лица была почти потусторонней – и горничная повиновалась. Закутав исхудавшую хозяйку в теплый плащ, Эстер чуть ли не на руках снесла ее по лестнице и оставила на пороге залы.

– Я войду одна. Ничего не бойся, жди меня здесь, – велела госпожа и закрыла за собою дверь.

Она вышла менее чем через пять минут; ни следа скорби не было в ее застывшем лице.

– Теперь проводи меня в спальню и принеси шкатулку с драгоценностями, – сказала леди Тревлин, почти упавши на руки верной горничной и испуская вздох, от которого у Эстер, воскликнувшей было «Слава богу!», содрогнулось сердце.

Уже находясь в постели и держа шкатулку, леди Тревлин сняла с шеи медальон, извлекла из золотой оправы миниатюру на слоновой кости – овальный портрет сэра Ричарда, с которым никогда не расставалась, спрятала портрет в шкатулку, а пустой медальон снова надела на шею, после чего велела горничной передать драгоценности семейному нотариусу по фамилии Уотсон, дабы он хранил их до совершеннолетия ее дочери.

– Господь с вами, миледи, вы еще сами их не раз наденете! Грех вам, молоденькой, всю жизнь скорбеть по супругу, даже и такому благородному, как хозяин, да упокоится он с миром. Утешьтесь, миледи, взбодритесь – если не ради себя, так хоть ради вашей деточки.

– Нет, я эти вещи никогда не стану носить, – отвечала леди Тревлин и задернула полог, как бы отменяя всякую надежду.

Сэр Ричард был погребен. О причинах его внезапной смерти гадали в округе еще девять дней, а потом сплетники переключились на собственные дела и заботы о хлебе насущном, ибо единственная особа, которая могла бы пролить свет на загадочные обстоятельства, находилась в состоянии, не допуская даже туманных отсылок к трагическому дню. Целый год опасас-

лись за рассудок леди Тревлин. Продолжительная лихорадка ослабила ее душевно и телесно, надежды на выздоровление почти не было, и леди Тревлин проводила свои дни ко всему безучастная, вызывая всеобщую жалость. Казалось, она забыла все, в том числе и потрясение, что дало толчок ее недугу. Не оживлялась леди Тревлин даже при виде дочери.

Месяц шел за месяцем, понемногу восстанавливалось только хрупкое тело леди Тревлин, а на разум течение времени, похоже, не влияло. Никто так и не выяснил, что за человек приходил к сэру Ричарду, какую цель имел и почему больше не появлялся. Осталось тайной и содержание письма сэра Ричарда, ибо леди Тревлин его уничтожила, а говорить о нем отказывалась. Доктора констатировали, что сэр Ричард скончался от сердечной болезни, хотя, если бы не потрясение, мог бы прожить еще много лет. Родственников у сэра Ричарда было мало, и никто из них не начал расследования. Друзья скоро позабыли молодую вдову, и над Лиллиан, наследницей рода Тревлинов, с первых дней тяготела тень зловещей тайны.

Глава II

Пол

– Идем, дитя, уже выпала роса, нам пора домой.

– Нет, мама еще прогуливается, значит, мне можно сбегать к речке.

И Лиллиан, своенравная и на диво обаятельная, исчезла среди высоких папоротников, где косули устраивали себе лежбища и прятались кролики. Горничная неохотно последовала за девочкой. Двенадцать лет назад она приняла на руки свою маленькую госпожу и с тех пор ничуть не изменилась. Зато Лиллиан, едва подросла, стала буквально веревки вить из преданной горничной.

Эстер сделала всего пару шагов, когда Лиллиан выскочила из зарослей и бросилась к ней, крича:

– Скорее, Эстер! Там мертвец! Я боюсь!

– Глупости, дитя. Наверняка вы наткнулись на спящего лесничего или бродягу, которому совершенно нечего делать в здешнем лесу. Держите крепче меня за руку и пойдемте поглядим, кого вы нашли.

Несколько успокоившись, Лиллиан взяла Эстер за руку и повлекла к старому дубу – одному из тех, что росли поодаль от тропы. Там, полускрытый папоротниками, лежал юноша лет шестнадцати – стройный, смуглый, кудрявый брюнет. Брови у него были темные, ресницы густые, рот упрямый, а сила и гордость, которыми дышал весь его облик, делали взрослее мальчишеское лицо и облагораживали бедность – ибо юноша был беден, о чем говорили и пыльное, заношенное платье, и стоптанные башмаки, и жалкий узелок, подложенный под голову. Юноша спал крепким сном – так спят люди, уставшие до крайности, – и не шелохнулся, когда Эстер раздвинула папоротники и взглядела в его лицо.

– Он живехонек, дитя мое, просто спит. Небось, целый день шагал, вот и умаялся, беденький.

– Жив! Вот хорошо! Пусть проснется! Он красивый, правда, Эстер? Только взгляни на его руки! А волосы? Вьются даже еще сильнее, чем у меня! Разбуди его, Эстер! – распорядилась маленькая леди, поскольку любопытство вытеснило страх из ее сердца.

– Тише, он шевельнулся! Хотела бы я знать, как он сюда проник, а главное – зачем, – прошептала Эстер.

– Вот я его и спрошу, – заявила Лиллиан.

И прежде, чем Эстер успела остановить ее, девочка наклонила лист папоротника и прошла его кончиком по смуглому чернобровому лицу, весело смеясь. Юноша проснулся от ее смеха, но продолжал лежать неподвижно, глядя в прелестное личико и словно продолжая грезить.

– *Bella cara*¹, – произнес он мелодичным голосом.

Девочка отпрянула – настолько выразительны были огромные яркие глаза юноши. Тогда он пробудился окончательно, вскочил на ноги и окинул Эстер быстрым пытливым взглядом. Нечто в его лице и повадках заставило горничную заговорить с куда меньшей суровостью, нежели она намеревалась:

– Ты явился к кому-то из обитателей Холла?

– Да. Дома ли леди Тревлин? – в свою очередь спросил юноша.

Он стоял перед Эстер, сжимая шапку в руке, и улыбка уже не играла на его губах.

¹ Красавица (*итал.*). – Здесь и далее прим. пер.

– Леди Тревлин дома, но тебе следует обратиться к Парксу, если только твое дело не является срочным и важным. Мы не докучаем миледи всякими пустяками.

– У меня письмо к леди Тревлин от полковника Дейвентри. А поскольку это отнюдь не пустяк, я бы предпочел передать его лично.

Эстер несколько опешила, зато Лиллиан воскликнула:

– Мама где-то здесь, идем скорее!

И она первая побежала по дорожке, периодически оглядываясь и маня за собой юношу.

Он шел за Лиллиан, сохраняя достоинство, замыкала процессию Эстер, и ничто во внешности и походе юноши не ускользало от зоркого женского взгляда.

Леди Тревлин, бледная красавица, слабая телом и печальная духом, сидела на скамье с книгой, но не читала, а витала мыслями где-то в иных мирах. При появлении дочери она без улыбки и слов протянула руку ей навстречу.

– Мамочка, здесь... здесь... один человек. Он хочет тебя видеть, – выпалила Лиллиан, впервые растерявшись – как отрекомендовать незнакомца? – ибо его высокий рост и серьезный вид возымели на нее свое действие.

– У меня письмо для вас от полковника Дейвентри, миледи, – с поклоном произнес юноша, протягивая конверт.

Взглянув на посланника вскользь, леди Тревлин взяла письмо и прочла:

«Дражайший друг!

Податель сего, Пол Джекс, служил у меня несколько месяцев и показал себя отлично. Я привез его из Парижа, но по рождению он англичанин и, хотя не имеет в Англии друзей, предпочел бы остаться здесь после того, как мы с женою уедем. Отъезд наш назначен через неделю. При нашей последней встрече вы упомянули, что вашему садовнику нужен помощник; так вот Пол искусен в садоводстве, хотя у моей жены, по ее желанию, он работал паржом. Надеюсь, что вы дадите этому юноше крышу над головой, за тем и посылаю его к вам. Он честный, расторопный и во всех отношениях достойный молодой человек. Испытайте его – вы меня этим обяжете.

Искренне ваш,

Дж. Р. Дейвентри».

– Место помощника садовника по-прежнему вакантно, и я буду рада предоставить его тебе, если ты согласен, – произнесла леди Тревлин, поднимая взор от письма и глядя испытующе в лицо Полу Джексу.

– Я согласен, мадам, – почтительно сказал он.

– Полковник пишет, что ты англичанин, – продолжала леди Тревлин не без удивления.

Юноша улыбнулся, явив безупречные белые зубы, и отвечал:

– Так и есть, мадам, даром что прямо сейчас я, наверное, на англичанина не похож. Это потому, что я сильно загорел, да и запыхался в дороге. Мой отец был англичанином, а сам я после его смерти долго жил за границей, вот и повадки у меня стали чужеземные.

Говорил он без акцента, глядел прямо в лицо миледи честнейшими синими глазами, и минутное сомнение леди Тревлин рассеялось.

– Сколько тебе лет, Пол?

– Шестнадцать, миледи.

– Ты смыслишь в садоводстве?

– Да, миледи.

– Что еще ты умеешь?

– Объезжать лошадей, прислуживать за столом, выполнять разные поручения, читать вслух. Могу быть грумом для барышни, могу иллюминировать рукописи², плести цветочные гирлянды и еще много чего, миледи.

Скромность пополам с рвением слышались в интонациях юноши, список умений заинтриговывал разнообразием, и леди Тревлин невольно улыбнулась, ибо Пол Джекс успел расположить ее к себе.

– Я как раз думала: пора учить Лиллиан верховой езде, а Роджер староват, чтобы сопровождать мою маленькую наездницу. Как думаешь, Эстер, не взять ли нам в грумы Пола? – спросила леди Тревлин, обращаясь к горничной.

Эстер сурово оглядела юношу и покачала головой, однако умоляющий жест и взор прекрасных синих глаз смягчили ее сердце, и неожиданно для себя она ответила:

– Да, миледи, если он хорошо себя покажет и угодит Парксу, можно, пожалуй, и попробовать.

Лиллиан захлопала в ладоши, сделала шагок-другой к Полу и с чувством воскликнула, снизу вверх глядя на своего нового грума:

– Я точно знаю, мама: он справится. Он такой славный! Позволь ему заняться моим пони. Ты объездишь моего пони, Пол?

– Да.

Ответ был тихий, но уверенный. Вот только юноша отвернулся, ибо под взглядом Лиллиан его смуглые щеки вспыхнули румянцем. Эстер это заметила и сказала себе: «А мальчик-то благородных кровей! Уж конечно, не от деревенского дуролома родился – по всему видать: по осанке да по походке. Бедняжка, нелегкая ему доля выпала, однако честного труда он не чурается – это хорошо, это мне по нраву».

– Итак, Пол, можешь остаться. Даю тебе месяц испытательного срока. Эстер, отведи Пола к Парксу, проследи, чтобы его прилично устроили. Завтра посмотрим на твои умения. Лиллиан, дорогая, ступай за мной – пора отдыхать.

Грациозным жестом леди Тревлин отпустила юношу и удалилась вместе с дочерью. Пол смотрел им вслед, словно позабыв про Эстер. Очнулся он, лишь когда горничная произнесла довольно язвительно:

– Зря вы, молодой человек, не поблагодарили миледи, покуда она была здесь; теперь-то что проку глазеть! А если хотите с Парксом познакомиться, пойдемте, не то я одна уйду.

Пол последовал за Эстер и вдруг совершенно неожиданно спросил:

– То место, где вы нашли меня спящим, это семейный склеп, да?

– Верно. А кстати, как ты туда попал и почему заснул, когда должен был сразу передать письмо?

– Я перелез через изгородь и решил отдохнуть, прежде чем являться к миледи, мисс Эстер, – последовал невозмутимый ответ, причем Пол сопровождал свои слова улыбкой, словно подтрунивая над фактом нарушения границ частной собственности.

– По тебе видно, что ты долгий путь проделал. Откуда ты пришел?

– Из Лондона.

– Боже правый! Да ведь Лондон от нас в пятидесяти милях!

– Башмакам моим досталось, это точно. Зато в целом прогулка была приятная – в такой-то славный летний денек.

– Что ж, ты совсем без гроша, если шел пешком?

– Денег у меня достаточно, да только на дилижансы я тратить не намерен, пока в ногах есть сила. Я взял два дня выходных и сэкономил монету на более нужные вещи.

² Иллюминирование – выполнение цветных миниатюр (иллюминаций) и орнаментов в рукописных книгах и папирусных свитках.

– Вот это по-нашему, – одобрила Эстер, для убедительности кивнув. – Служи как следует, сынок, раз уж такая твоя судьба, а я помогу. Я, видишь ли, лодырей не терплю, а нынче этой мерзости – лени – слишком много развелось.

– Спасибо. Вы проявили дружелюбие, и я докажу, что умею быть благодарным. Скажите, миледи нездорова, да?

– Хворает с тех пор, как сэр Ричард преставился.

– Когда же это случилось?

– Лет десять назад.

– А сыновей у миледи нет?

– Мисс Лиллиан – единственное дитя, и какое прелестное, благослови ее Господь!

– Леди пока еще маленькая, а уже такая гордая.

– Так ведь есть чем гордиться, сынок. Во всей Англии не найти семейства благороднее, чем Тревлины. Мисс Лиллиан – наследница огромного состояния.

– Это герб Тревлинов? – внезапно спросил Пол, указывая на арку ворот. Ее венчало каменное изваяние – сокол и лента с девизом: «Я В СВОЕМ ПРАВЕ».

– Ну да. Почему ты спрашиваешь?

– Просто любопытно. Я кое-что смыслю в геральдике и, случается, забавы ради сам рисую гербы. Каких только привычек не наберешься за границей! – добавил Пол, заметив, как вытянулось лицо Эстер.

– Здесь тебе будет не до рисованья. Ступай, отрекомендуйся Парксу и не задавай ему вопросов, все равно не ответит.

– Я вообще не докучаю вопросами мужчинам – из них, как правило, слова лишнего не вытянешь.

Юноша тряхнул головой, и плутовская улыбка была на его губах, когда он входил в сторожку. «Смышленный парень, если не сказать дерзкий. Пригляжу за ним, ведь миледи – она что дитя малое – о таких вещах не задумывается, а Лиллиан только собственные капризы волнуют. Но до чего ж он мил – прямо привораживает. И подольститься умеет. Ну да ему это на пользу, бедняжке, как иначе одинокая душа в жизни пробьется, ежели не лестью да обхождением?» Думая так, Эстер вернулась в господский дом, оставив Пола завоевывать симпатии Паркса – что ему вполне удалось, ибо он взял совершенно другой тон, нежели с горничной, успешно им покоренной.

В тот вечер, оставшись один в каморке, Пол написал длинное письмо на итальянском языке – изложил все дневные события, приложив рисунок сокола с девизом. На конверте значилось «Отцу Космо Кармеле, Генуя». Управившись, Пол лег в постель. Взор его омрачился, и с тяжким вздохом юноша прошептал:

– Пока все идет по плану; не дам сердцу размягчиться от жалости, не изменю своей цели, пока не сдержу обещание. И все же какая она прекрасная! Лучше бы мне с нею никогда не встречаться!

Глава III

Под прикрытием

Всего через неделю Пол стал всеобщим любимцем. Его обаяние подействовало даже на чопорную Эстер, и она с неохотой признала, что Лиллиан теперь, когда у нее есть товарищ, гораздо веселее и счастливее. До сих пор девочка была лишена общества сверстников – так распорядилась ее мать, но Пола Джекса миледи встретила с неожиданным для себя дружелюбием – вероятно, потому, что считала его чем-то вроде собственности. Очень скоро из помощника садовника Пол был переведен в дом. Довольная его умениями, миледи уступила просьбам Лиллиан, и Пол сделался пажом юной барышни. Неизменно исполнительный и почтительный, он помнил свое место и в то же время словно бы невольно оказывал влияние на всех, кто с ним сталкивался, и в каждом находил участие. Миледи проявляла необычный интерес к Полу. Лиллиан не скрывала восторга перед его достоинствами и пылкой привязанности к преданному юному слуге. Эстер он покорила тем, что открылся ей одной, и у нее одной просил совета и утешения во всевозможных мелких затруднениях; горничная чувствовала себя немало польщенной. Как Эстер и подозревала, Пол оказался сыном джентльмена. Обстоятельства лишили его и дома, и друзей, и родителей; выброшенный в жестокий мир, юноша был вынужден сам строить свою судьбу. Эта печальная история растрогала Эстер, а стойкость юноши, который до срока стал мужчиной, внушала ей уважение. Много лет назад Эстер потеряла сына, ее сердце пустовало, и она прониклась материнской любовью к осиротевшему Полу Джексу. Слишком гордая, чтобы выказывать свои чувства на людях, наедине с Полом Эстер оттаивала и упивалась привязанностью славного юноши.

– Пол, подойди сюда. Я хочу поговорить с тобой и не задержу тебя надолго, – молвила миледи, выглянув из высокого окна библиотеки.

Юноша в это время подвязывал виноградные лозы. Бросив садовые инструменты и снявши шляпу, он повинился, причем лицо у него было взволнованное, ибо месяц испытательного срока истекал как раз сегодня. Леди Тревлин заметила, что Полу не по себе, и ободрила его улыбкой.

– Не тревожься, Пол. Ты прошел испытание и можешь остаться, если хочешь. Лиллиан счастлива, я тобой довольна.

– Благодарю, миледи.

Опущенные dolu глаза юноши сверкнули гордостью, к которой примешивалась боль.

– Значит, решено. А теперь я скажу, зачем звала тебя. Ты упоминал, что владеешь искусством иллюминации. Взгляни на эту книгу. Смог бы ты ее отреставрировать?

Ладонь леди Тревлин легла на древний том, который сэр Ричард читал в день смерти. С тех пор много лет книга валялась в сыром углу, пока миледи не обнаружила ее и, как ни печальны были воспоминания, связанные с этой книгой, пожелала привести в должный вид – хотя бы ради странного пророчества.

Пол взял книгу и начал вертеть в руках. Она открылась на той странице, по которой чаще всего скользил взгляд ее покойного хозяина. У юноши загорелись глаза, он быстро повернул книгу к свету, чтобы скрыть вспышку триумфа, промелькнувшую на лице. Тщательно контролируя интонации, он ответил миледи уже через несколько мгновений, причем его лицо успело принять привычное выражение и глаза смотрели ясно и твердо.

– Да, миледи, я обновлю поблекшие рисунки на полях и заново обведу чернилами буквы староанглийского текста. Это занятие мне по сердцу, и я рад угодить вам.

– Вот и хорошо. Только будь осторожен с этой книгой, не переусердствуй. А цену своей работе сам назначишь.

– О нет, миледи, плата мною уже получена...

– Как так? – удивилась госпожа.

Реплика насчет платы вырвалась у Пола как бы сама собой; мгновение он казался смущенным, затем ответил, густо покраснев:

– Вы были очень добры ко мне, и я любым способом готов доказать вам свою благодарность, миледи.

– Считаю, что я этого не слышала, мой мальчик. Займись книгой, а когда справишься, я решу, чем тебя наградить.

И леди Тревлин с улыбкой покинула комнату, оставив Пола, чтобы он немедленно приступил к реставрации. Едва за миледи закрылась дверь, Пол совершенно переменился. Он с ненавистью потряс кулаком, подбросил книгу и поймал ее с победным возгласом, а потом открыл на затертой странице и перечел непонятный стишок.

– Очередное доказательство! Да, отец Космо, дело мое движется, и движется быстро! Пусть я всего лишь мальчишка, но я сдержу обещание, чего бы это ни стоило, – пробормотал Пол.

– Какое обещание, сынок? – раздался голос за его спиной.

– Обещание, которое я дал миледи – как можно лучше отреставрировать книгу, миссис Эстер, – ответил Пол, быстро приходя в себя.

– Ах, эту! Последнюю, что хозяин читал перед смертью? Я прятала ее, да миледи ухитрилась найти, – вздохнула Эстер.

– Значит, хозяин умер внезапно? – уточнил юноша.

– Да, сынок, именно так. Захожу я вот в эту самую комнату – а он уж при смерти, и на столе письмо – чернила еще не просохли. Письмо-то для миледи было. Загадочный случай, и какой печальный.

– Расскажите мне, прошу вас, миссис Эстер. Я люблю печальные истории и вдобавок чувствую свою принадлежность к этому дому – словно я вассал из древних времен. Пока руки ваши заняты смахиванием пыли, а мои – очисткой пергаментной обложки, я буду рад выслушать семейную историю.

Эстер отрицательно качнула головой, но сдалась под выразительным взглядом, уступила молящим интонациям – и сообщила больше подробностей, чем намеревалась, ибо любила поболтать, а Пола уже мысленно числила среди своих.

– А письмо? Что было в письме? – принялся допытываться юноша, когда Эстер умолкла, заново переживая трагедию.

– Этого никто не знает – одна только миледи.

– Стало быть, миледи уничтожила письмо?

– Я и сама так думала, а потом взялся у меня нотариус выяснять насчет письма-то, вот и пришлось миледи побеспокоить. Она в ту пору хворала. Только я ей про письмо – она как глянет на меня – век не забуду ее очей – и говорит: «Нет, оно не сожжено, но никто и никогда его не прочтет». Я как язык проглотила. Наверное, спрятала миледи письмо в надежном месте, чтобы достать, если нужда будет. Это ее личные с сэром Ричардом дела, так я думаю.

– А что насчет визитера?

– Пропал! Как явился будто снег на голову, так и сгинул без следа. Странная история, сынок. Ты смотри, помалкивай.

– Не волнуйтесь, я не болтлив, – заверил юноша, надраивая медные накладки на переплете книги. Хитрая улыбка не сходила с его уст.

– Зачем тебе этот чудесный белый воск? – спросила назавтра Лиллиан, обнаружив своего грума в саду, в укромном уголке, поглощенным неким таинственным занятием.

Мановение руки – и Пол уничтожил свою работу, стер с лица недовольство и ответил обычным почтительным тоном, берясь ваять новую фигурку:

– Я леплю для вас олененка, мисс Лиллиан. Вот, смотрите, кролик уже есть, а скоро и олененок будет готов.

– Ах, как красиво! Сколько разных вещей ты умеешь делать, Пол! И как ты угадываешь, когда мне хочется чего-то новенького?! Значит, ты сегодня рано утром ездил именно за воском?

– Да, мисс Лиллиан. Мне было велено дать разминку вашему пони, и я решил: пусть он не просто так скачет, а с пользой для дела. Желаете лепить? Попробуйте, это совсем нетрудно.

Лиллиан загорелась, и в течение нескольких дней лепка из воска была ее любимым развлечением. Когда лепить ей наскучило, Пол придумал новую забаву, а восковые фигурки смял и выбросил, улыбаясь своей необъяснимой улыбкой.

– Что-то ты осунулся, Пол. Хотя оно и понятно – который вечер засиживаешься допоздна. Хотя бы сегодня ложись пораньше, – сказала Эстер спустя неделю, и в ее голосе слышалась поистине материнская забота. Бледный, похудевший Пол попался ей в коридоре.

Пол живо перешел в наступление.

– Откуда вам известно, что я поздно ложусь?

– В последние дни миледи нездоровится, и я нахожусь с ней, пока она не заснет, а потом иду к себе мимо твоей комнаты. И всякий раз у тебя лампа горит. Вчера я даже к двери подошла, хотела потолковать с тобой, а потом думаю: нет, не стоит, обидишься, чего доброго. Но ты меня все ж послушай, сынок: нехорошо так поздно ложиться, упаси боже, захвораешь.

– Ничего, скоро я закончу реставрировать книгу, тогда и отосплюсь. Я вас не слишком беспокою? Приходится смешивать краски, а это занятие довольно шумное.

Объясняясь, Пол не сводил глаз с лица Эстер. Горничная, кажется, ничего не заподозрила. У нее были свои дела, и она только сказала без тени недовольства:

– Ну да, шум я слышу – странные такие звуки. Они мне не мешают, так что трудись дальше. Твоя правда – чем скорей закончишь, тем скорей отдохнешь.

Морщинка меж его бровей – признак тревоги – тотчас разгладилась; удаляясь от Эстер, Пол со вздохом облегчения пробормотал:

– Ох, еле выкрутился. Правильно я делаю, что запираю дверь изнутри.

Больше в комнате Пола свет по ночам не горел, и Эстер успокоилась. Впрочем, ненадолго. Возвращаясь однажды к себе поздним вечером, она заметила странное: в одном из боковых коридорчиков, что расходились из главного коридора, возникла тень. Некто высокий и худой быстро удалялся по коридору. На мгновение Эстер застыла, но, будучи женщиной отважной, собралась с духом и на цыпочках последовала за призраком, который почти сразу растворился в сумраке холла.

«Если бы в доме обитало привидение, я бы сказала, это оно и есть. Но привидений у нас отродясь не водилось, стало быть, сюда проник злоумышленник. Зайду-ка я к Полу, наверное, он еще не спит. Пол – юноша храбрый и смелый; вместе мы обшарим весь дом».

С этим намерением Эстер, тревожась сильнее, чем она готова была признать, постучалась к Полу. Никто не отозвался, зато дверь оказалась не заперта, и Эстер вошла, причем так поспешно, что сквозняк задул ее свечу. Вскрикнув в досаде на собственную неосторожность, Эстер шагнула к кровати, отдернула полог и хотела коснуться спящего, однако ее рука нащупала только подушку. Стоя в тени полога, Эстер озиралась – темнота не была кромешной, ведь в окошко лился свет молодого месяца.

«Спаси меня Господь! Что затеял этот мальчишка? Кого, как не Пола, я сейчас видела в...»

Додумать мысль Эстер не успела – послышались легкие шаги, и она скользнула к изножью кровати. Через несколько мгновений появился Пол в плаще – бледный, ни дать ни взять

привидение; растрепанный и с диким взглядом. Пол сбросил верхнюю одежду, рухнул на кровать и тотчас заснул.

Эстер не сразу овладела собой, когда же ей это удалось, она принялась трясти юношу за плечи и шепотом звать по имени.

– В чем дело? – Пол сел на постели, моргая сонными глазами.

– Не вздумай дурачить меня! Отвечай, зачем рыщешь по дому в такое время, да еще в таком виде?

– Это вы, Эстер? – усмехнулся юноша, стряхивая с плеча руку горничной и смотря ей прямо в глаза.

– Да, это я – к счастью. Окажись на моем месте любая из этих глупых девчонок, весь дом был бы вверх дном. Что ты затеял, Пол? Зачем встал с постели и бродишь, словно привидение, по коридорам?

– Это я-то встал с постели? Да за последние два часа я не шелохнулся – спал как убитый. Что вы такое выдумали, Эстер?

Горничная зажгла свечу и, не переставая смотреть Полу в лицо, рассказала про свое приключение. Пол с минуту молчал, затем принял пристыженный вид и начал:

– Теперь понятно. Что ж, я рад, что попался на глаза только вам, Эстер. Дело в том, что я – сомнамбула. То есть раньше у меня бывали приступы, и я бродил во сне. Потом это прошло – я надеялся, что навсегда. К сожалению, недуг вернулся. Но не тревожьтесь. Во время приступов я совершенно безобиден; никому не причиняю вреда, включая себя самого. Встану, пройду по комнатам и обратно в постель. Я напугал вас, Эстер?

– Немножко. Бедный мой мальчик, надо бы подселить к тебе кого-нибудь из лакеев. А лучше бы вовсе запирать тебя на ночь. Не годится, чтобы человек вот так разгуливал по дому, – покачала головой Эстер.

– Приступы скоро пройдут. Вот покончу с реставрацией, буду больше работать физически, и сон станет крепче и здоровее. Никому не говорите, прошу вас, Эстер, не то меня на смех поднимут. Вас-то я не стесняюсь, вы мне почти как родная матушка, печетесь обо мне, за что я вам сердечно благодарен.

Пол протянул руку, и под его взглядом горничная растаяла. Теперь она помнила только одно: что Пол – бедный сиротка. С мыслью о собственном покойном сыне Эстер отвела со смуглого лба темные кудри и запечатлела на нем материнский поцелуй.

– Спокойной ночи, милый. Я никому ничего не скажу, а тебе дам снадобье, от которого ты будешь спать спокойно и крепко.

И Эстер вышла.

От ее умиротворения не осталось бы и следа, задержись она за дверью. Ибо Полом овладело мальчишеское веселье, и он, оставшись один, хохотал до слез над доверчивостью сердобольной горничной.

Глава IV

Исчезновение

– Красивый юноша, такого любой женщине не зазорно сыном назвать, – говорила Эстер дородному дворецкому по фамилии Бедфорд. Они задержались на пороге холла. Было осеннее утро, и им хотелось посмотреть, как юная барышня выезжает на ежедневную прогулку.

– Вы правы, миссис Эстер, хорош собой... Вот смотришь на него – настоящий грум, иного леди и пожелать не может. Только мне все кажется, будто он не для такой службы родился, – отвечал Бедфорд, одобрительно качая головой.

Бедфорд не преувеличивал: Пол выглядел как истинный джентльмен, хотя в этот самый момент, как пристало груму, держал за поводья белого пони своей маленькой госпожи. И такое впечатление он производил всегда, чем бы ни занимался и во что бы ни был одет.

Сейчас на юноше красовался синий камзол с серебряными пуговицами, тулью его шляпы обвивала лента, расшитая серебряными нитями, бриджи сияли белизной, шпоры так и сверкали, перчатки были без единого пятнышка, а пояс туго повязан вокруг тонкого стана. Этот костюм как нельзя лучше оттенял смуглое лицо. При встрече с Полом краснели и жеманились все без исключения молоденькие легкомысленные служанки. Джентльмен Пол – такое прозвище юноша получил от слуг. В их компании он держался несколько надменно и не вступал в разговоры, однако ему симпатизировали, ведь Эстер приподняла завесу тайны над его происхождением, и вокруг нового грума возник романтический флер. Теперь, погруженный в свои мысли, Пол облокотился на спину послушного пони и словно не замечал, что за ним наблюдают и о нем шепчутся. Впрочем, едва появилась Лиллиан, Пол взялся за исполнение обязанностей грума с таким видом, будто находил в этом радость. По главной аллее он ехал след в след за своей госпожой. Потом Лиллиан свернула на тенистую тропу, оглянулась и велела в характерной для себя, не допускающей возражений манере:

– Поезжай рядом. Я хочу поговорить.

Пол повиновался и некоторое время – пока всадники не достигли зарослей орешника – развлекал госпожу веселой болтовней. В орешнике он бросил поводья, ловко спешил и набрал спелых орехов для Лиллиан.

– Как мило. Остановимся здесь, передохнем. Я полакомлюсь орешками, а ты нарви цветов. Хочу собрать букет для мамы, ведь полевые цветы она предпочитает садовым.

Пока Лиллиан угощалась орехами, Пол принес ей целую охапку поздних цветов. Эти цветы он держал перед нею на вытянутых руках, и Лиллиан не спеша, со вкусом взялась составлять букет.

– В Парке каждый грум, сопровождающий леди, носит бутоньерку, – заговорила девочка. – Значит, тебя тоже надо украсить.

И она вдела алый мак в петлицу темно-синего камзола.

– Благодарю вас, мисс Лиллиан. Ваш цветок я буду носить с сердечной радостью, тем более что сегодня – день моего рождения.

И взгляд пронзительно-синих глаз, поднятый на прелестное личико, сделался непривычно мягок и нежен.

– Вот как? Выходит, тебе исполнилось семнадцать? Ты теперь почти мужчина, да?

– Да, хвала небесам, – отвечал Пол приглушенным голосом, в большей степени себе самому.

– Хорошо бы мне тоже было семнадцать. Но мне и тринадцати нет, только через пару месяцев исполнится. А тебе полагается подарок, ведь ты так умело меня развлекаешь. Что бы тебе подарить?

Девочка протянула руку, и столько искреннего расположения было в ее жесте, что Пол растрогался. Забываясь, он порой вел себя как чужеземец; вот и сейчас он вдруг приник губами к маленькой ручке и выпалил:

– Бесценная моя госпожа, мне не нужно иных даров, кроме вашей милости... и вашего прощения, – добавил он едва слышно.

– Милость у тебя уже есть, Пол, но одной милости мало... А это что такое?

Лиллиан говорила о миниатюрном медальоне, который выскользнул из-за воротника, когда Пол почтительно наклонил голову. Щеки юноши вспыхнули, и он торопливо вернул медальон на место, однако поздно: Лиллиан, язвительно усмехнувшись, молвила:

– Знаю-знаю, в нем портрет твоей возлюбленной? Бесси, моя горничная, говорила Эстер, что у тебя наверняка есть возлюбленная, иначе почему ты не обратил внимание ни на кого из местных девушек? Я своими ушами слышала. Дай мне взглянуть на нее. Она хорошенькая?

– Очень хорошенькая, – отвечал Пол, не показывая медальона.

– И она тебе очень нравится? – продолжала Лиллиан, в которой постепенно пробуждался интерес к романтике.

– Да, очень, – подтвердил Пол, опустив темные ресницы.

– И ты готов умереть за нее, как поется в старинных балладах о любви? – допытывалась девочка, увлеченная драмой.

– Да, мисс Лиллиан. А еще я живу ради нее, что намного труднее.

– Боже, как, наверное, приятно быть любимой! – простодушно воскликнула Лиллиан. – Полюбит ли меня кто-нибудь такой любовью?

Вместо ответа Пол пропел:

*Любовь найдет тебя в свой срок – Так заповедал Бог, Чтоб
каждой квочке – петушок, Девице – женишок.*

Этот куплет он слышал от Эстер и теперь полагал, что успешно отвлек мысли госпожи от своей персоны.

– И ты женишься на своей возлюбленной, да, Пол? – продолжала Лиллиан, причем взгляд ее сделался очень задумчивым.

– Возможно.

– А поглядеть на тебя – так всякие «возможно» исключаются, – возразила девочка, живо подметив, как затуманились глаза и как смягчился голос юноши.

– Она еще совсем дитя. Я должен ждать, пока она подрастет, а за это время мало ли что случится.

– Она – леди?

– Да, благородная, очаровательная юная леди, на которой я женюсь, если так будет угодно судьбе.

Пол говорил с решимостью, голову держал высоко и гордо поднятой – совсем не так подобиет вести себя тому, чей облик отмечен печатью лакейства. Лиллиан почувствовала несоответствие, внезапно смутилась и произнесла:

– Ты ведь и сам джентльмен. Значит, можешь жениться на леди, даже не имея богатства.

– Откуда вы знаете про меня? – быстро спросил юноша.

– Я подслушала разговор Эстер с экономкой. Она утверждала, что ты не тот, кем кажешься; а еще она выразила надежду, что однажды ты займешь подобающее место. Я спросила об этом у мамы, а она знает, что ответила? Что не позволила бы мне столько времени проводить с тобой, не будь ты подходящим для меня компаньоном. Вдобавок – хоть мне и не следует открывать этого – мама к тебе благоволит и намерена постепенно вывести тебя в люди.

– Неужели?

Юноша коротко, язвительно усмехнулся. Звук этот задел Лиллиан и заставил ее сказать с упреком:

– Знаю, что ты гордец, но не отвергай нашу помощь, ведь мы искренни в своем желании. Тем более, что брата у меня нет, и капиталом поделиться не с кем.

– А вам хотелось бы иметь брата или сестру? – спросил Пол, глядя прямо в лицо Лиллиан.

– О да, очень хотелось бы! Тогда меня любили бы такой любовью, какую не даст и родная мать.

– Но с братьями и сестрами надо делиться. Пожалуй, вам пришлось бы отдать немало ценных вещей, которыми вы сейчас владеете единолично. Вас это не пугает?

– Ничуть. Если я полюблю кого-нибудь по-настоящему, я ничего не пожалею для этого человека. Честное слово, Пол, верь мне, прошу тебя.

Лиллиан говорила с жаром и даже оперлась на плечо Пола, как бы для усиления своих слов. Невольно крепкая рука обвила хрупкую фигурку в седле, и великолепная улыбка осветила смуглое лицо, когда юноша ответил с не меньшим пылом:

– Я верю вам, дорогая, и счастлив слышать вашу речь. Не страшитесь, я вам ровня. И все же до тех пор, пока не превращусь из грума в джентльмена, я буду твердо помнить, что вы – моя маленькая госпожа.

На последней фразе он убрал руку, ибо Лиллиан напряглась и покраснела – от удивления, а не от недовольства этой первой брешью в доселе безупречно почтительном поведении своего грума. С минуту оба молчали – Пол потупил взгляд, а Лиллиан перебирала цветы. Наконец, вполне довольная готовым букетом, она заговорила:

– Букет придется маме по вкусу, надеюсь, с его помощью я заглажу свою вчерашнюю вину. Я, знаешь ли, сильно обидела маму одной выходкой – тайком открыла медальон, с которым она не расстанется. Мама задремала; я была с ней рядом. Во сне она взялась за медальон и зашептала про какое-то письмо, связанное с папой. Мне давно хочется увидеть папино лицо – я ведь даже не представляю, как он выглядел, потому что его портрета нет в галерее среди изображений моих предков. Ну вот я и заглянула под крышечку медальона, едва мама выпустила его из рук. Да только портрета в нем не было. Только какой-то ключ.

– Ключ! Что за ключ? – в большом волнении спросил Пол.

– Такой маленький серебряный ключик, вроде того, которым запирают мое пианино или черный секретер. Мама проснулась и очень рассердилась.

– От какого замка этот ключ? – не отставал Пол.

– От замка на маминой шкатулке с драгоценностями. Так мама сказала, да только я про эту шкатулку впервые слышу, и где она находится, не представляю. А расспрашивать я не решилась. Вечно я маму огорчаю – не одним, так другим.

Со вздохом раскаяния Лиллиан перевязала букет ленточкой и едва не вздрогнула, передавая цветы Полу – так изменился в лице ее грум.

– Ты будто вмиг повзрослел, и какой же ты стал мрачный! – воскликнула она. – Неужели мои слова так тебя расстроили?

– Нет, мисс Лиллиан. Просто я задумался.

– Значит, больше не задумывайся! У тебя сразу морщина появляется меж бровей, ужас какая глубокая, глаза делаются почти черными, а рот свирепо кривится. Вообще ты очень странный, Пол: то весел, будто мальчик, то мрачнееешь, будто мужчина, у которого забот невпроворот.

– Так и есть. У меня забот невпроворот, и неудивительно, что я выгляжу взрослым и мрачным.

– Какие же это заботы, Пол?

– Я размышляю, как поймать удачу и завоевать возлюбленную.

Всякий раз, когда Пол начинал говорить таким тоном и принимал такой серьезный вид, Лиллиан казалось, будто они поменялись местами и теперь уже Пол – господин, а она – служанка. Тщетно детский разум бился над этой загадкой, причем своенравной юной горячке нравилась такая перемена. Пол заявил, что пора возвращаться – и Лиллиан с нехарактерной для себя готовностью подчинилась. Ехали они рядом; широкополая шляпа позволяла Лиллиан украдкой рассматривать лицо Пола. Раньше ей не доводилось наблюдать за Полом, когда он об этом не подозревал. Теперь его губы шевелились, хотя ни словечка Лиллиан расслышать не смогла, черные брови были нахмурены, а один раз Пол прижал ладонь к груди, к медальону – вероятно, подумал о своей возлюбленной.

«Что-то беспокоит Пола, я хочу, чтобы он рассказал мне и позволил ему помочь, если это будет в моих силах. Когда-нибудь я заставлю его показать мне ее портрет. Мне интересно, как она выглядит», – думала Лиллиан, вздыхая.

Впрочем, скоро настроение Пола изменилось. Он, улыбаясь, помогал спешиться своей госпоже, а взяв в ладонь изящную ножку, поднял на Лиллиан лучистый взгляд. Зато теперь сама Лиллиан была задумчива. Она, полная недетского достоинства, которое очень ей шло, чинно поблагодарила юного грума и проследовала в дом. Длинная юбка для верховой езды зрительно вытягивала фигуру, и девочка казалась взрослой барышней. Провожая ее взглядом, Пол усмехнулся, затем вскочил в седло и помчался к конюшне, словно только бешеная скорость могла дать выход его чувствам.

– Тебе письмо, сынок, аж из Италии. Любопытно, кто у тебя в этих дальних краях? – сказал Бедфорд, когда Пол снова появился в доме.

Бросив «Спасибо», Пол схватил письмо и метнулся к себе в комнату, где торопливо надорвал конверт, но уже после прочтения первой строки рухнул на стул, будто получил удар под дых, становясь еще бледнее по мере того, как он читал. Наконец письмо выпало из рук, и голосом, полным отчаяния, Пол воскликнул:

– Надо же ему было умереть именно сейчас!

Целый час юноша провел в размышлениях. Дверь была заперта изнутри, шторы опущены, на столе лежали письма, заметки, планы, рисунки, листы пергамента – все это хранилось в папке, с которой Пол не расставался. Над этими-то бумагами он и застыл. На его лице, как в калейдоскопе, надежда сменялась унынием, решимость – раскаянием. Пол снял медальон, раскрыл его, внимательно рассмотрел содержимое – кольцо, закрепленное на одной створке, и миниатюру – улыбающееся детское личико. Глаза его наполнились слезами, он захлопнул медальон и спрятал на груди, прошептав:

– Бедняжка моя! Я тебя не забуду и не оставлю, что бы ни случилось. Да поможет мне время, ибо мою миссию придется отложить. Разве что предприму последнюю попытку...

– Эстер, я собираюсь спать, а пока ты готовишь постель, я прогуляюсь.

Говоря так, леди Тревлин плотнее закуталась в шаль и медленно двинулась по длинной галерее, которую освещали только лунные лучи да отблески огня в камине. Галерея вела в главную залу. Этим помещением не пользовались, и только Эстер время от времени заглядывала туда смахнуть пыль и открыть окна для проветривания, да еще сама миледи проводила там годовщину смерти сэра Ричарда. Обыкновенно леди Тревлин добиралась в своих вечерних прогулках до последнего окна, не далее, да и сами прогулки предпринимала потому, что вечная тревога требовала от нее физической активности. Однако теперь, проделав свой ежевечерний путь, леди Тревлин застыла, ибо из-под двери, ведущей в главную залу, пробивалась полоса желтого света. Ключ был только у миледи, в тот день ни она, ни Эстер не входили в залу. Промелькнули тени чьих-то ног, на мгновение заставив померкнуть световую полосу, и леди Тревлин ощутила на коже ледяные щупальца нервного озноба. Под воздействием импульса она схватилась за серебряную дверную ручку и расслышала, как задвигают в зале ящик бюро.

Тогда она приникла к замочной скважине, но ничего не увидела, ибо в скважину был вставлен ключ. Леди Тревлин поспешила в свою комнату, взяла собственный ключ с туалетного столика и, велев Эстер следовать за собой, вернулась к зловещей двери.

– Что стряслось, миледи? – спросила Эстер, не на шутку встревоженная видом и действиями госпожи.

– Там свет, там звуки, там тени! Скорее! – Леди Тревлин пояснила, указывая на дверь: – Вон полоса света, неужели ты не видишь?

– Нет, миледи, темно там, в зале-то, – возразила Эстер.

Хотя свет действительно погас, миледи все равно вставила ключ в замочную скважину. К ее изумлению, ключ легко повернулся, и дверь открылась, явив сумрачное, необитаемое помещение. Эстер храбро вступила в залу, миледи после некоторых колебаний последовала за ней. Пока она медлила на пороге, Эстер успела заглянуть за каминный экран и за трубу, обшарить платяной шкаф, поискать за бюро из черного дерева, где хранились бумаги и личные вещи сэра Ричарда. Никто не обнаружился, даже мышь не выскочила из-за угла. Успокоенная, Эстер обернулась к госпоже, а та, указывая на кровать под бархатным балдахин, выдохнула:

– Ты забыла про нее.

Причина, однако, была не в забывчивости, просто Эстер, при всей своей отваге, содрогалась при мысли, что придется поднять полог и взглянуть туда, где много лет назад лежал ее покойный господин, ибо до сих пор ей отчетливо помнилось мертвое лицо на подушке. Эстер полагала, что свет под дверью и звуки внутри – плоды расстроенного воображения миледи. Горничная и в залу-то вошла, только чтобы успокоить госпожу. Тайна смерти сэра Ричарда по-прежнему тревожила умы всех, кто помнил эту трагедию, и сама Эстер испытывала в зале суеверный ужас. С нервическим смешком она заглянула под кровать и отдернула балдахин, говоря по возможности беззаботно:

– Сами изволите видеть, миледи, никогошеньки тут...

Слова замерли на ее губах, ведь слабое пламя свечи рассеяло мрак смертного одра, и обе – госпожа и служанка – увидели на подушке бледное лицо в обрамлении темных волос и бороды, с закрытыми глазами – застывшее лицо покойника. Долгий, пронзительный вопль, исторгнутый леди Тревлин, всполошил весь дом. Она упала возле кровати, а Эстер, выронив и свечу, и край балдахина, поспешила подхватить свою госпожу и вынести из населенной призраками комнаты. У нее достало разума запереть за собою дверь, а через считанные минуты дюжина всполошенных слуг толпилась в галерее, и Эстер изложила им события, одновременно пытаясь привести в чувство леди Тревлин. Велик был всеобщий страх, но по силе с ним соперничало нежелание мужской прислуги войти в залу, подчинившись Эстер, которая первая овладела собой.

– Где Пол? Хотя он еще мальчишка, у него сердце мужчины, – произнесла Эстер, пронзивши гневным взором мужчин, что пятились от двери.

– Его здесь нет. Боже! А если это он озорничает? Привиденьем прикидывается? Правда, это на него непохоже, – пискнула Бесси, молоденькая горничная мисс Лиллиан.

– Это точно не он, я сама заперла его на ключ в комнате. Он ведь ходит во сне, вот мне и тревожно было, вдруг он, слоняясь по дому, миледи напугает. Ладно, пускай спит, а то еще, чего доброго, от потрясения припадки сделаются чаще да опаснее. Бедфорд и Джеймс, ступайте за мной, я не боюсь ни призраков, ни плутов.

Выражение лица Эстер противоречило ее словам. И все-таки она первой вступила в залу и отдернула балдахин. Постель была пуста, однако подушка хранила вмятину, словно от человеческой головы, а еще – единственное алое пятнышко, похожее на кровь. При виде этого пятнышка Эстер побледнела; ей пришлось даже опереться на локоть дворецкого.

– А помните, Бедфорд, – зашептала она, – в ту ночь, когда мы господина в гроб клали, изо рта у него капля крови вытекла? Губы-то белехоньки были, как полотно. Верно вам говорю: являлся сюда сам сэра Ричард.

– Господом богом заклинаю, молчите! Теперь никто и глаз не сомкнет, когда в доме привиденье поселилось! – выдохнул Бедфорд, пятась к двери.

– Искать дальше толку нет. Ступайте спать, да помалкивайте про сегодняшнее, – распорядилась Эстер, выйдя из зала. Предварительно она проверила, плотно ли закрыты окна, и заперла дверь на ключ. При себе она оставила только дворецкого и экономку.

– Вы, Бедфорд, покараульте до утра возле хозяйской спальни. А вы, миссис Прайс, можете мне привести миледи в чувства, боюсь, с бедняжкой опять лихорадка делается – как *тогда*, – сказала Эстер.

Наступило утро и принесло с собой новую тревогу. Ибо, даром что дверь в комнату Пола была заперта снаружи, юноша исчез, а под окном не нашлось никаких следов...

Глава V

Герой

Минуло четыре года. Лиллиан расцвела, обещая очень скоро превратиться в пленительную женщину. Гордая и своенравная, как и в детстве, она уже была восхитительна, уже считалась первой красавицей в своем узеньком мирке и вела себя как истинная королева. По причине слабого здоровья матери она пользовалась куда большей свободой, нежели другие английские барышни ее лет. В сезон выездов девушка обыкновенно находилась под опекой старой подруги леди Тревлин, у которой было две юных дочери.

Про мисс Тревлин думали, что она беззаботная, всегда готовая к увеселениям барышня, чье сердце совершенно свободно от серьезных чувств. И никто, даже ее матушка, не догадывался, насколько прочно в память Лиллиан врезались дни, проведенные с Полом, и как сильно она скучает по этому юноше. О нем не было ни слуху ни духу. Из дома ничего не пропало, сам Пол исчез, не взяв жалованья, и единственной причиной его побега могло считаться странное письмо. Бедфорд, увы, не ведал, из какого города оно пришло, он вообще только и смог разобрать, что слово «Италия» на конверте.

Миледи тщетно наводила справки, и по прошествии нескольких месяцев Пол перестал быть предметом бесед матери и дочери. Ради Лиллиан миледи притворилась, что Пол ею забыт. Не оправдались и опасения Эстер насчет лихорадки. Хотя испуг пошатнул здоровье леди Тревлин, очень скоро она решила, что видела в зале именно Пола, и несколько успокоилась. Что до Эстер, у нее имелись свои соображения, но, соблюдая запрет на разговоры о Поле, она помалкивала, лишь однажды сказав, что Пол еще объявится.

– Лиллиан, Лиллиан! Ах, какая у меня новость! Садись и слушай, потому что история ужас до чего романтическая, и в ней будет настоящий герой! – трещала Мод, ворвавшись в прелестный будуар своей подруги.

Сезон был в самом разгаре; Лиллиан, утомленная после бала, лежала на кушетке. Мод появилась как раз вовремя, ибо девушка успела заскучать и нуждалась в развлечении.

– Послушай, и тоже, подобно мне, загорись любопытством, – пообещала Мод.

Шляпка была брошена на один стул, зонтик от солнца – на другой; перчатки вообще улетели в неизвестном направлении, а Мод Черчилл присела к подруге на кушетку и начала:

– Помнишь, некоторое время назад в газетах писали о юноше, участнике итальянской революции³, который спас товарищей от взрыва?

– Помню, и что? – сказала Лиллиан, резко садясь.

– Так вот теперь он – мой кумир, и нынче мы с ним познакомимся!

– Продолжай, не томи! Расскажи мне все без утайки! – воскликнула Лиллиан.

– Дело было так: офицеры держали совет, а город – не помню, как он называется – в это время был под обстрелом. Вдруг снаряд влетел прямо в комнату. Все застыли – будет взрыв! И тут один юноша схватил снаряд и выбежал вон, рискуя собственной жизнью ради спасения товарищей.

– Конечно, я это помню.

– А среди офицеров оказался англичанин. Отвага юноши потрясла его, он навел справки и узнал, что герой – бедный сирота. Тогда этот англичанин, мистер Тальбот, его усыновил. Сам он был богат, одинок и уже немолод. И года не прошло, как он умер, оставив своему приемному сыну, Паоло, титул и капитал.

³ Имеется в виду революция 1848–1849 годов в Ломбардии и Венеции, управляемых Австрийской империей. Задачами революции было установление гражданских прав и свобод, ликвидация феодальных пережитков и впоследствии – воссоединение с Италией.

– Ах, я очень, очень рада! – вскричала Лиллиан, хлопая в ладоши. – Как романтично, как прелестно!

– Думаешь, истории конец? Нет, дорогая подруга, главная порция романтики впереди! Молодой Тальбот сражался, а потом приехал в Англию, чтобы вступить в наследство. Имение его где-то в Кенте, говорят, очаровательная усадьба; да и капитал немаленький. Что ж, он это заслужил. Моя маменька наслышана о молодом Тальботе от миссис Лэнгдон, которая водила знакомство со старым Тальботом и встречалась с его приемным сыном. Разумеется, все наши барышни с ума сошли: спят и видят, как бы заманить героя в гости, ведь он вдобавок очень хорош собой и превосходно воспитан. А теперь самое печальное: молодой Тальбот помолвлен с одной красавицей-гречанкой, которая прибыла в Англию одновременно с ним. Живет она в Лондоне; при ней компаньонка – все как у настоящей леди. Миссис Лэнгдон нанесла ей визит и была очарована. Наши джентльмены, которым довелось увидеть эту девицу, бредят ею и называют не иначе как Еленой Прекрасной, потому что ее имя – действительно Елена.

На этом слове Мод пришлось сделать паузу, чтобы перевести дух, и у Лиллиан появилась возможность задать вопрос.

– Сколько лет этой Елене?

– Говорят, лет восемнадцать-девятнадцать.

– Она очень красива?

– Если верить Фреду Рэли, от ее красоты может помутнеть разум.

– Когда же свадьба?

– Точно не знаю. Наверное, как только Тальбот вступит в свои права, так они сразу и поженятся.

– Ну а он каков собой? Под стать своей невесте?

– Говорят, что да. Тальбот как раз достиг совершеннолетия, лицом и поведением – настоящий романтический герой.

– И мы с ним встретимся? Как твоей матушке это удалось?

– Видишь ли, миссис Лэнгдон надеется, что ее стараниями Тальбот станет светским львом, вот она его к себе и пригласила. Тальбота не волнует популярность в гостиных, он погружен в собственные дела и вообще чересчур серьезен. В обществе его, такого интересного, обласкали бы, но ему это не нужно. Наверное, он слишком много пережил, вот и считает чепухой положение в свете. Тем удивительнее, что Тальбот сразу согласился на визит. Милая Лиллиан, ты непременно должна быть сегодня у миссис Лэнгдон.

– Тысяча благодарностей. Я хотела отдохнуть – мама недовольна тем, что меня вечно нет дома, – но с тобой, Мод, и с твоей матушкой она меня легко отпустит, ведь это будет тихий вечер, насколько я поняла? Итак, что же мы наденем?

И разговор перекинулся на неисчерпаемую тему.

Когда вечером Лиллиан приехала в дом своих друзей, герой был уже там. Девушка притаилась в нише, чтобы взглянуть на него, оставаясь невидимой. Гости, толпившиеся перед дверьми, один за другим проследовали в залу, и наконец-то Лиллиан увидела молодого Тальбота. К счастью, в этот момент она была одна, иначе кто-нибудь непременно заметил бы ее внезапную бледность.

– Да ведь это Пол, мой Пол!

Она узнала его мгновенно, хотя он прибавил в росте, отпустил усы и держался как воин. Да, он повзрослел, посерьезнел, сделался интереснее внешне, но остался «ее Полом». Именно так Лиллиан, вспыхнув от гордости и радости, назвала его про себя. Глядя на молодого человека, она с наслаждением чувствовала, что знает его лучше всех гостей и больше всех гостей его любит. Детское увлечение осталось живо в ее сердце.

«Узнает ли он меня?» – гадала Лиллиан, глядя в зеркало, которое отражало стройную фигурку, золотистые волосы, белые плечи и сияющие глаза, царственную посадку изящной

головы, блеск жемчужных зубов меж алых губок, которые сложились в прелестную, непосредственную и счастливую улыбку.

«Слава богу, я недурна собой. Надеюсь, ему это понравится», – подумала Лиллиан.

Она отвела со лба пару локонов, потуже затянула пояс и расправила складки своего воздушного платья, по-девичьи трепеща в дивном предвкушении.

«Сделаю вид, что не знаю его, и посмотрю, как он себя поведет».

Конечно, это была шалость, спровоцированная уверенностью в своей власти, ибо Лиллиан, первой увидев Пола, получила преимущество. Предупреждена – значит, вооружена – так она рассуждала. Не боясь выдать себя, она жаждала упиться удивлением на лице Пола.

Покинув свое убежище, Лиллиан присоединилась к стайке подружек и настроилась на встречу с Полом. К ней уже приближались Мод и миссис Лэнгдон, определенно намеренные представить героя богатой наследнице.

– Мистер Тальбот... мисс Тревлин! – произнесла хозяйка вечера.

Подняв наигранно-безразличный взор, Лиллиан присела в реверансе в ответ на поклон молодого джентльмена; между тем, ее глаза неотрывно смотрели ему в лицо. Но ни единый мускул не дрогнул на этом лице, ни намек на узнавание не появилось в нем. Это смутило Лиллиан. На секунду девушка даже заподозрила, что обозналась. К счастью, боль разочарования быстро отпустила – Тальбот, подвигая стул для Мод, явил на руке шрамик, слишком памятный Лиллиан, ибо четыре года назад, предотвращая опасное падение своей маленькой госпожи, юный грум поранился. При виде шрамика перед мысленным взором Лиллиан живо всплыли сцены счастливого прошлого, и, не отвернись она, глаза неизбежно выдали бы ее. Краска девичьего стыда покрыла щеки – ведь в хорошенькой головке прокручивалась последняя верховая прогулка, и детские признания так и звучали в ушах Лиллиан. Вот, оказывается, кто возлюбленная Пола, вот чей портрет он носил на груди! Что ж, Пол, несмотря на все трудности, добыл себе состояние и теперь может рассчитывать на любовь своей Елены.

Звуки его голоса вернули Лиллиан в настоящее; она подняла лицо, и глубокие глаза устремили на нее все тот же испытующий взор. Пол о чем-то спрашивал. Лиллиан не расслышала фразы, но сообразила, что речь идет о музыкальном отрывке, исполняемом в соседней комнате. С улыбкой, которая сошла бы за подобающий ответ практически на любую ремарку, Лиллиан живо включилась в разговор, причем ее подружкам оставалось только изумляться самообладанию мисс Тревлин – ведь сами-то они, совсем зеленые девицы, млели от молодого Тальбота и тушевались перед ним.

– Мистер Тальбот вряд ли нуждается в представлении, ведь благодаря героическим поступкам, его имя известно в нашем обществе. Вы впервые посещаете Англию? – произнесла Лиллиан, внутренне гордясь собой, считая свою продуманную фразу хитрой ловушкой и надеясь вытянуть из Пола желаемый ответ.

Нахмутив брови, словно намек на приключения и подвиги был ему неприятен, Пол изобразил улыбку, которая обезоружила всех, кроме Лиллиан, и сказал просто:

– Нет, я не впервые на вашем гостеприимном острове. Я провел здесь некоторое время несколько лет назад и покинул Англию с большим сожалением.

– Значит, у вас должны остаться друзья?

Задавая этот вопрос, Лиллиан неотрывно смотрела в лицо Полу.

– Друзья имелись. Теперь я, без сомнения, ими позабыт, – отвечал он, и безмятежность его чела омрачилась внезапной тенью.

– К чему такая уверенность в худшем? Если эти люди – настоящие друзья, они вас помнят!

Фраза вырвалась у Лиллиан спонтанно, однако Тальбот не ответил, только чуть поклонился и поспешил перевести разговор в другое русло.

– Это мне еще предстоит выяснить. Вы поете, мисс Тревлин?

– Немножко, – отвечала Лиллиан с ледяной надменностью.

– Мисс Тревлин великолепно поет, – вмешалась Мод, которая благоговела перед двумя дарованиями своей подруги – голосом и внешней красотой. – Пойдем, Лиллиан, компания сегодня небольшая, наверняка ты согласишься спеть для нас. Я передаю тебе матушкину просьбу. Вот сейчас Эдит доиграет, и ты споешь, не так ли, дорогая?

К удивлению Мод, Лиллиан сразу согласилась и об руку с Тальботом прошла к фортепьяно. Все еще надеясь получить от него знак, что он помнит их прошлое, Лиллиан выбрала песню, которой научил ее сам Пол. Вдохновенное, искусное исполнение заинтриговало слушателей, не имевших ключа к настроению певицы. На последней строфе голос Лиллиан дрогнул – но тут вступил Тальбот и прекрасно поставленным голосом благополучно довел песню до конца.

– Вам знакома эта песня? – шепнула Лиллиан под звуки похвал.

– Она знакома каждому итальянцу, хотя немногие способны исполнить ее так, как вы, – тихо ответил Тальбот, возвращая Лиллиан веер, который она давала ему подержать.

«Вот хитрец! Почему он виду не подает, что знает меня?» – недоумевала Лиллиан.

Когда ее попросили спеть еще, она отказала тоном почти раздраженным. Тальбот предложил ей руку и отвел к креслу, за которым красовалась мраморная статуэтка – дитя, которое гирляндой из маргариток пленило лань.

– Очаровательно, не правда ли? – молвила Лиллиан, ибо Тальбот, вместо того чтобы усестись подле нее, загляделся на статуэтку. – Помню, в детстве я увлекалась лепкой из воска – лепила оленят и косуль, а еще плела венки из маргариток. Вы слывете чрезвычайно одаренным человеком; быть может, ко всему прочему, вы еще и скульптор?

– Нет. Людям, которые, подобно мне, должны сами завоевывать себе состояние, недосуг заниматься пустяками, – сурово ответил Тальбот, не отвлекаясь от статуэтки.

Раздосадованная, что попытка пофлиртовать не удалась, Лиллиан с треском открывала и закрывала веер. Надо же, она сама себя наказывает! Нет чтобы открыто приветствовать Пола – тогда сейчас они двое, к обоюдному удовольствию (и к зависти подружек, которые и обратиться к герою не смеют) говорили бы о прежних временах! Лиллиан уже собралась назвать мистера Тальбота просто Полом, когда вспомнила, в каком качестве он находился в их доме, и слова замерли у нее на устах. Пол – гордец; наверняка его страшит мысль, что в свете узнают о том, как он служил грумом, пока удача не улыбнулась ему. А если Лиллиан хотя бы намекнет, что ей известно о прошлом Тальбота, придется открыть и другое – откуда у нее такие сведения. Нет, надо подождать; рано или поздно они с Полом встретятся наедине, и тогда он поблагодарит ее за деликатность, она же объяснит свои мотивы. По всему видно, что Пол желает казаться чужеземцем. Лишь один раз, да и то случайно, Лиллиан уловила в его взгляде прежнее озорное лукавство. Разумеется, Пол ее помнит; это просто испытание, такое же, какое она сама устроила ему. Что ж, Лиллиан пройдет проверку, притом с удовольствием; в самом деле, ведь это даже забавно. Рассудив так, она успокоилась и принялась беззаботно щебетать, совершенно счастливая, кипящая радостью от встречи со старым другом.

Тут взгляд ее выхватил папку с эстампами⁴, оставленную на столе раскрытой. Лиллиан взялась перебирать листы, спрашивая мнение мистера Тальбота о художественных достоинствах того или иного эстампа, и наконец указала на изображение Елены Троянской⁵, протягивающей руку неотразимому Парису⁶.

⁴ Эстамп – печатный оттиск на бумаге изображения со специальной формы, разновидность произведений графики.

⁵ Елена Прекрасная (Троянская) – жена спартанского царя Менелая, «прекраснейшая из женщин».

⁶ Парис – сын троянского царя Приама, разрешивший спор о красоте между богинями Герой, Афиной и Афродитой, присудив последней золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Афродита в благодарность помогла Парису похитить Елену, что привело к Троянской войне и падению Трои.

– Как вы считаете, стоила ли эта женщина такого кровопролития, да и вообще, не переоценена ли ее красота? – спросила Лиллиан, безуспешно стараясь скрыть многозначительную улыбку.

Тальбот коротко, по-мальчишески рассмеялся (сколь памятен был Лиллиан этот смех!), перевел глаза с Елены Троянской на лукавую свою собеседницу и отвечал тоном, от которого сердечко Лиллиан забилось от безымянной боли и непонятого блаженства – столько сдерживаемого пыла угадала она в ответе.

– О да! Я всем сердцем согласен с фразой «Все ради любви, или Целого мира не жаль»⁷. Елена Прекрасная – моя любимая героиня, а что до Париса – он более прочих смертных вызывает во мне зависть.

– Хотелось бы мне посмотреть на нее!

Неожиданное признание Лиллиан настолько сконфузило ее, что она даже не сумела сгладить впечатление какой-нибудь общей фразой об интересе к мифической героине.

– Возможно, вы с ней и встретитесь, – отвечал Тальбот, едва скрывая усмешку, и добавил, как бы для успокоения Лиллиан: – Мне почему-то кажется, что все красавицы – реальные женщины наряду с героинями романтических легенд и баллад – встретятся вместе в некоем царстве будущего, узнают и полюбят друг друга.

– Увы, я не историческая личность и не красавица – значит, не бывать мне в поэтическом раю ваших фантазий, – возразила Лиллиан, весьма мило и убедительно притворившись огорченной.

– Некоторые женщины прелестны, хотя не сознают этого, а романтическим героиням нет хода в реальный мир. И все же я думаю, что вы встретитесь с Еленой, мисс Тревлин.

В это время миссис Лэнгдон поманила Пола, и он оставил Лиллиан размышлять над его последними словами. Тайное удовольствие от того, что Лиллиан увидит его нареченную невесту, явственно звучало в этих словах, и оно-то было главной причиной недоумения Лиллиан.

– Ну как он тебе? – прошептала Мод, усаживаясь в кресло, которое должен был занять Пол.

– Очень понравился, – был сдержанный ответ, ибо Лиллиан наслаждалась интригой и не желала пока раскрывать ее.

– Что ты ему говорила? Мне ужас как хотелось послушать вашу беседу – такая она была живая и непосредственная.

Лиллиан повторила отдельные реплики, и Мод притворилась, что завидует впечатлению, которое подруга произвела на героя.

– Увы, нет смысла пытаться покорить его, ведь он уже несвободен, – посетовала она, с неожиданным злорадством захлопывая папку, сверху лежало изображение Елены Троянской, и Лиллиан почему-то приятно было избавиться от нее.

– Ах, дорогая, ничего подобного! Миссис Лэнгдон только что сказала маменьке, что она ошиблась. Мистер Тальбот не помолвлен. Она задала ему прямой вопрос, и он ответил отрицательно. Оказывается, Елена всего лишь находится у него на попечении.

– Он слишком молод, чтобы быть опекуном. Какой-то абсурд... Ничего, скоро я все выясню.

– Как? – удивилась Мод, потрясенная уверенностью Лиллиан.

– Подожди денек-другой, и услышишь от меня ответную романтическую историю. А сейчас я поспешу на зов твоей матушки – надо полагать, приехала Эстер. Доброй ночи. Я дивно провела время.

⁷ Так называется героическая драма Джона Драйдена (1631–1700) «All for Love, or The World Well Lost», подражание шекспировской пьесе «Антоний и Клеопатра».

И Лиллиан, раздражив напоследок любопытство подруги, была такова. Эстер ждала ее в экипаже, но, едва Лиллиан возникла в дверях, Тальбот отстранил лакея и сам усадил ее, сказав чуть слышно и со столь знакомыми интонациями:

– Доброй ночи, моя маленькая госпожа.

Глава VI

Елена Прекрасная

Никому, кроме Эстер и матери, Лиллиан не поведала о своем открытии. Из прежних слуг в доме остался только старик Бедфорд, и Лиллиан сочла за лучшее помалкивать, пока Пол сам не решит возобновить дружбу. Велико было удивление миледи и Эстер, велика была их радость при известии о том, что их протеже теперь богат и знатен. Обе, госпожа и служанка, строили догадки: как Пол объяснит свое внезапное исчезновение?

– Ты ведь нанесешь ему визит, мама, не правда ли? Ну или хоть справишься о нем? – спросила Лиллиан. Ей не терпелось дать знать Полу, что его, блудного грума, встретят с радушием, ибо фраза, оброненная Полом возле экипажа, согрела ей сердце.

– Нет, милая, это он должен искать встречи с нами. Первой я ни шагу не сделаю. Ему известно, где мы живем, пусть сам возобновит столь неожиданно прерванное знакомство, если сочтет нужным. Наберись терпения, а главное, помни: ты уже не ребенок, Лиллиан, – отвечала миледи, встревоженная слишком пылкими восторгами дочери в отношении Пола.

– Не ребенок? Как жаль! Иначе я вела бы себя, как велят мне чувства, и не боялась бы шокировать общество нарушением условностей.

И Лиллиан отправилась спать – точнее, мечтать о своем герое. Три дня она просидела дома – все ждала Пола, который так и не появился; на четвертый день поехала на прогулку в Парк, надеясь, что Пол будет там. Ее сопровождал пожилой грум, на которого Лиллиан смотрела с отвращением, отлично помня, что в прежние времена на его месте был юный красавец.

Пола она не нашла, зато при выезде на Дамскую Милю ей встретился элегантный экипаж, в котором сидели прелестная девушка и кроткая с виду пожилая женщина.

– Невеста Тальбота, – шепнула Мод Черчилл, которая присоединилась к Лиллиан на прогулке. – Красивая, да?

– Ничего подобного... да, очень, – последовал странный ответ, ибо ревность вступила в противоречие с правдивостью.

– Тальбот совершенно поглощен и предан ей. Пожалуй, они и впрямь помолвлены, что бы он там ни говорил. Распроцаемся с нашими надеждами, – усмехнулась Мод.

– А у тебя были надежды?.. До свидания, Мод, мне пора.

К недовольству тучного грума, Лиллиан пришпорила лошадь и помчалась домой.

– Мама, я видела невесту Пола! – выпалила она, врываясь в будуар миледи.

– А я видела самого Пола, – отвечала миледи, глазами показывая, чтобы Лиллиан придержала язык. Поскольку Пол был здесь – стоял с простертой рукой, будто ожидая, когда его признают.

Лиллиан от радости позабыла смущение, присела в глубоком реверансе и молвила с веселым упреком:

– Мистер Тальбот – желанный гость, в каком бы облики он ни явился.

– Значит, сегодня я просто Пол. Позвольте предложить вам кресло, мисс Лиллиан, – произнес Пол с почтительностью юного грума.

Лиллиан села. Только напрасно она старалась вернуть себе непосредственную манеру – слишком велико было различие между юношей, которого она так ясно помнила, и мужчиной, который стоял перед нею.

– Теперь поведайте нам о своих приключениях, а главное, ответьте, почему четыре года назад вы исчезли столь загадочным образом, – властно, как избалованное дитя, распорядилась Лиллиан, но не смогла выдержать взгляд Пола и потупила свои ясные глаза.

– Я как раз хотел это сделать, когда ворвались вы с новостью о моей кухне... – начал Пол.

– Так она – ваша кухня! – перебила Лиллиан.

– Да, матушка Елены и моя были родными сестрами. Обе вышли замуж за англичан, обе рано умерли, оставив нас, своих детей, заботиться друг о друге. Мы с Еленой росли как родные брат и сестра. Мы были неразлучны, пока я не поступил на службу к полковнику Дейвентри. Смерть старого священника, которому я доверил Елену, заставила меня вернуться в Геную, ведь я остался ее единственным опекуном. Я хотел проститься с вами, миледи, как подобает, но обстоятельства – мой глупый розыгрыш – вынудили меня бежать. Я скрылся как недостойный человек.

– Значит, это ты был тогда в главной зале! Так я и думала! – И леди Тревлин испустила вздох облегчения.

– Да, я. Я слышал от слуг, что в главной зале обитает привидение. По мальчишескому неразумию мне казалось необходимым проверить это, а заодно испытать собственную храбрость. Эстер заперла меня, зная, что я – сомнамбула, а я спустился через окно по веревке и таким же способом, через окно чулана, проник в главную залу. Вас я принял за Эстер, миледи, и юркнул в постель, думая напугать ее и тем поквитаться с нею за то, что она заперла меня. Но вы вскрикнули, я узнал ваш голос и понял, что натворил. Меня обуяло раскаяние, и я покинул ваш дом со всей возможной поспешностью. Мне следовало просить у вас прощения гораздо раньше, но я делаю это теперь. Я искренне раскаиваюсь, миледи, ибо выходы, подобные моей, в таком месте, как главная зала, поистине равны святотатству.

Во время первой части рассказа, когда Пол перечислял свои действия, по его лицу и манере держаться было видно, что он искренен. Однако когда он добрался до последних фраз, поведение его претерпело странную перемену. Он глядел теперь себе под ноги и говорил так, будто отвечал вызубренный урок, причем то бледнел, то краснел. Лицо, прежде хранившее печать правдивости, приняло иное выражение – наполовину гордое, наполовину покорное. Лиллиан наблюдала за этими метаморфозами с тревогой, а миледи списала их на юношеский стыд и приняла извинения милостиво, сразу даровала прощение и выразила радость по поводу того, что Пол теперь – человек состоятельный. Слушая миледи, Пол вдруг стиснул кулак и сдвинул брови, словно стараясь обуздать неотвязную эмоцию или мятежную мысль. В прежние дни Лиллиан нередко видела Пола таким, вот и сейчас заметила, что в нем происходит внутренняя борьба.

– О да, половина дела сделана – я обрел дом, хвала моему щедрому благодетелю. Надеюсь, что сумею распорядиться состоянием, – сурово произнес Пол, словно капиталы и поместье не были его главной целью.

– И когда же вы рассчитываете довести дело до конца? Вероятно, это зависит от вашей кухни? – В печальных глазах леди Тревлин мелькнул проблеск женского любопытства.

– Да, но не в том смысле, который вы, миледи, в это вкладываете. Кем бы ни была Елена, она не является моей невестой, так и знайте, мисс Лиллиан.

Вид у юной леди сделался до того сконфуженный – даром что она испытала облегчение от слов Пола, – что он засмеялся, и тень сошла с его чела.

– Я лишь повторяю то, что говорят в свете, – молвила Лиллиан наигранно-беззаботным тоном.

– Свет – великий лжец, в чем вы сами убедитесь в свое время.

– Надеюсь увидеть вашу кухню, Пол. Возможно, она примет нас как ваших старых друзей?

– Благодарю, но для этого не пришел срок. Моя кухня еще не освоилась здесь настолько, чтобы встретить новые лица, хотя и доброжелательные. Я обещал пока ничем не обременять ее и не ограничивать ее свободу, однако не сомневайтесь: вас она примет первыми.

И снова Лиллиан отметила тщательно скрываемую неловкость, и любопытство ее возросло. Подумать только, эта Елена знакомству с ней, Лиллиан Тревлин, предпочитает затворничество; Елене дела нет до интереса и восхищения ее особой!.. Самолюбие Лиллиан было

задето, и она сказала себе: «Нет уж, я ее увижу, даже если она против. В Парке я не успела ее толком разглядеть. Что-то здесь неладно, недаром Пол беспокоится. Я выясню, в чем проблема, и, как знать, может быть, помогу ему».

Едва в ее пылком, но своевольном сердечке зародилась ясная цель, Лиллиан стала самой собой – то есть обворожительной светской барышней. Они с Полом доверительно говорили о многих вещах, воскрешая затем в памяти эту беседу, Лиллиан удивлялась, как мало, по сути, рассказал ей Пол о своем прошлом, равно как и о планах на будущее. Они решили не раскрывать своих прежних отношений и явиться обществу не старыми, а новыми друзьями, ведь объяснения вызвали бы волну слухов. Один только старик Бедфорд, воплощение осмотрительности, удостоился быть посвященным в тайну мистера Тальбота. Миледи предложила Полу остаться на ужин, но Пол отказался, сославшись на неотложные дела вне пределов города. Он задержал на Лиллиан взор, после которого девушка долго изучала себя в зеркале и гадала, достаточно ли хороша была при прощании, ибо в глазах Пола она прочла откровенный восторг. Леди Тревлин удалилась к себе, предоставив дочери развлекаться, как ей заблагорассудится. Словно боясь, как бы решимость не иссякла от промедления, Лиллиан велела закладывать экипаж, взяла с собою Эстер и отправилась в Сент-Джонс-Вуд.

– Эстер, не читай мне нотаций и забудь о чопорности, ибо я кое-что затеяла, – начала Лиллиан, предварительно, посредством сотни уловок, которыми располагает каждая юная красавица, подготовив свою горничную. – Надеюсь, ты одобришь мой план, если же выйдет неувязка, я всю вину возьму на себя. По-моему, что-то не так с таинственной кухней Пола, и я намерена выяснить, что именно.

– Благослови вас Господь, мисс, каким образом?

– Она живет одна, редко показывается, ни к кому не ездит и никого не принимает. Это ненормально для красивой молодой девушки. Пол не желает обсуждать ее, хотя явно очень к ней привязан. Стоит мне задать вопрос, он мрачнеет и сердится. Я ужасно заинтригована. Мод, моя подруга, помолвлена с молодым Рэли, как тебе известно; так вот Рэли признался ей, что разведан, где живет Елена, со своим приятелем пробрался на соседнюю виллу, которая как раз пустует, прикинулся, что желает осмотреть дом, а сам разглядывал Елену, когда она гуляла в саду. Я поступлю точно так же.

– А мне что прикажете делать? – спросила Эстер, втайне одобряя затею своей госпожи, поскольку и сама сгорала от любопытства.

– Твоя задача – отвлекать компаньонку. Ну же, ответь, что согласна! Взамен я буду сущим ангелом.

Эстер сдалась, почти не испытывая угрызений совести, и, когда экипаж подкатил к вилле под названием «Золотой дождь», сыграла свою роль просто превосходно. Лиллиан удалось прокрасться мимо компаньонки на верхний этаж, откуда был виден сад. Елена как раз вышла на прогулку. «Очень, очень хороша», – думала Лиллиан, поедая глазами изумительную, совершенную, будто изваяние, темноволосую и темноглазую девушку, одаренную вдобавок грациозностью, которая ценится не менее красоты как таковой. Елена гуляла одна; когда Лиллиан начала наблюдение, кухня Пола стояла, склонившись над цветком, причем долго не меняла позы, словно цветок ее крайне занимал. Затем Елена принялась ходить кругами по лужайке, руки она выставила перед собой, взгляд смотрел в пустоту. Казалось, она охвачена глубокой задумчивостью.

Но когда прошло первое потрясение от ее восхитительной внешности, Лиллиан поняла: чем-то эта девушка отличается от других, и дело не в платье и уборе, каких не носят англичанки. Дело в ее лице, в движениях, в тоне ее голоса. Описывая круги, Елена мурлыкала какую-то заунывную песню. Лиллиан всматривалась все пристальнее, отмечая бесцельные жесты изящных рук, апатичность прекрасного лица, тоску в голосе. А самым странным было выражение огромных темных глаз – они неизменно смотрели в одну точку. Механическое кружение по

лужайке продолжалось, утомляя и раздражая Лиллиан. Шаги были четкими и выверенными, словно двигался не живой человек, а машина.

«Да что с нею такое?» – недоумевала Лиллиан, все более тревожась по мере того, как обнаруживала новые детали в поведении ничего не подозревавшей Елены. Лиллиан была настолько поглощена, что не слыхала, как ее зовет Эстер, и не видела, как та приблизилась к ней. Несколько минут они смотрели на Елену вместе; затем в сад вышла компаньонка, и Елена была уведена, причем продолжала тянуть свою заунывную песню и делать странные движения руками, будто в попытках поймать и удержать солнечный свет.

– Несчастное создание! Понятно, почему Пол так печален, почему не желает обсуждать ее и почему она сама ни с кем не видится, – вздохнула Эстер, явно сострадавшая Елене.

– В чем ее беда? Я смотрела, смотрела, но ничего не поняла, – прошептала Лиллиан.

– Она – блаженненькая, дитя мое. Просто язык не поворачивается называть слабоумной такую красавицу.

– Вот кошмар! Поедем скорее домой, Эстер! Никому, никому не рассказывай о том, чему мы были свидетельницами!

Содрогаясь от жалости, Лиллиан поспешила вниз. Камнем на сердце лежала боль за Елену, да еще ее мучило сознание собственной вины – нечестно, гадко было узнать о пороке Елены таким путем. Угрызения совести не давали Лиллиан покоя. Перед ее мысленным взором стояла одинокая девушка, а раскаяние, и без того сильное, усугублялось в присутствии Пола. Так продолжалось неделю. Наконец Лиллиан решила открыться Полу, надеясь, что он позволит ей подставить плечико под свой тяжкий крест.

Лиллиан выбрала минуту, когда матери не было рядом, и со своей обычной прямоотой заговорила:

– Пол, я совершила дурной поступок и не успокоюсь, пока ты меня не простишь. Я видела Елену.

– Где? Когда? При каких обстоятельствах? – Пол так и вскинулся. Хотя, казалось, что в то же время он испытал облегчение.

Во всем признавшись, Лиллиан подняла на него свое очаровательное личико, исполненное жалости, стыда и раскаяния, которые проняли бы всякого.

– Сможешь ли ты простить меня за то, что я обнаружила ее порок?

– Я простил бы тебе, Лиллиан, и куда более серьезную вину, – отвечал Пол, своим тоном открывая столь многое.

– Шпионить очень дурно и недостойно, шпион достоин презрения. Неужели ты с такой легкостью простишь меня? – спросила Лиллиан, потрясенная великодушием молодого человека.

– Выходит, ты сама едва ли простила бы того, кто тайно следил за вами? – уточнил Пол. Его лицо приняло одно из тех выражений, которые всегда озадачивали Лиллиан.

– Мне это было бы трудно, однако тем, кто мне дорог, я многое простила бы во имя любви.

Внезапно Пол перехватил ее руку и выпалил:

– Ты почти не изменилась! Ты помнишь наш последний выезд – без малого пять лет назад?

– Да, Пол, – отвечала Лиллиан, пряча глаза.

– И ты помнишь, о чем мы говорили?

– Не очень точно, хотя часть нашей детской болтовни врезалась мне в память.

– Какая именно часть?

– Твой романтический рассказ.

Лиллиан подняла глаза, жажда спросить о ранних годах Елены: было ли и детство ее омрачено так же, как юность? Пол выпустил руку Лиллиан, словно прочел ее мысли; его рука неосознанно прижалась к груди – значит, он все еще носит медальон, поняла Лиллиан.

– Что же я тебе поведал? – спросил Пол, улыбаясь. Внезапная скованность Лиллиан его позабавила.

– Ты поклялся завоевать свою возлюбленную маленькую леди и жениться на ней, если так будет угодно судьбе.

– И я не отступаю от своей клятвы! – воскликнул Пол, сверкнув глазами.

– То есть ты на ней женишься?

– Да, женюсь.

– Ах, но ведь ты на всю жизнь свяжешь себя с...

Слово замерло на губах Лиллиан, но фразу за нее докончил жест.

– С кем? – взволнованно и требовательно спросил Пол.

– С блаженной; с дурочкой; со слабоумным человеком, – вымучила Лиллиан, забывши о себе в тревоге за будущее Пола.

– О ком ты говоришь? – опешил Пол.

– О несчастной Елене.

– Святые небеса, откуда ты понабралась этого бреда? – Негодование было так велико, что даже голос теперь звучал глуше.

– Я своими глазами ее видела. Ты не отрицал, что у нее какой-то порок, а про слабоумие мне сказала Эстер, вот я и поверила. Я ошибаюсь, да, Пол? Я что-то неправильно поняла?

– Да, ты очень, очень ошибаешься. Елена – слепая, но, слава богу, не слабоумная.

Столько серьезности было в голосе Пола, столько укоризны в словах, столько гнева во взгляде, что гордость испарилась. Лиллиан закрыла лицо руками, и мольбы о прощении утонули в слезах – горчайших за всю ее коротенькую жизнь. Ибо в этот миг, принесший ей острую боль, Лиллиан осознала, как сильно она любит Пола и как тяжело ей будет потерять его. Детское увлечение расцвело в женскую страсть, за несколько недель пройдя ряд стадий: ревность, надежду, отчаяние, самообман. Восторг при встрече после долгой разлуки, радость успехам Пола, неприязнь к Елене, облегчение, которое Лиллиан почувствовала, вообразив, что судьба возвела между Полом и его кузиной непреодолимую преграду (в этом облегчении Лиллиан не признавалась даже себе); далее – открывшаяся истина и неизбежное разочарование; наконец, мучения, вызванные непоколебимым намерением Пола жениться на своей первой любви – все эти противоречивые эмоции достигли апогея, смешавшись, и самообладание изменило Лиллиан в тот момент, когда всего больше было ей необходимо. Как ни старалась, она не могла остановить потоки слез, и напрасно Пол уверял, что прощает ее, и сулил ей дружбу Елены, и чего только не предпринимал, чтобы Лиллиан утешилась. Наконец, с огромным усилием, она овладела собой и, отпрянув от ладони Пола, которая отвела с ее лба растрепавшиеся локоны, не смея смотреть на его лицо, полного нежной симпатии, Лиллиан прошептала:

– Мне так стыдно, я так раскаиваюсь в содеянном и в сказанном! У меня никогда не хватит духу встретиться с Еленой. Прости меня, забудь мою неразумную выходку. Сейчас особенно тяжелое время – приближается годовщина папиной смерти. Мама страдает в этот день, оттого и я нервничаю, а теперь наше горе усугубилось моим поступком.

– Но ведь этот день – еще и день твоего рождения. Я помню об этом и дерзну преподнести тебе маленький сувенир в обмен на тот, что ты подарила мне когда-то. Вот он, мой, а теперь твой, талисман. Завтра ты услышишь от меня легенду, с ним связанную. Носи его ради меня, и благослови тебя Бог, дорогая.

Последние слова Пол прошептал тихо и поспешно. Перед Лиллиан блеснуло старинное кольцо, рука ее ощутила касание губ и мягкой бородки – и Пол был таков.

Выходил он, скрипя зубами, бормоча про себя:

– Да, завтра все разрешится! Пора рискнуть всем и принять то, что будет. Больше я не стану мучить ни их, ни себя.

Глава VII

Таинственный ключ

– Скажите, Бедфорд, леди Тревлин дома? – спросил Пол, явившись на завтра в ранний час. Все мускулы в его лице были напряжены, отчего он выглядел десятью годами старше.

– Нет, сэр, миледи и мисс Лиллиан изволили уехать в свое поместье еще вчера вечером, сэр.

– Надеюсь, причина не в дурных вестях? – Глаза молодого человека сверкнули, как будто он чуял близкую развязку.

– Сэр, про дурные вести я ничего не знаю. Это каприз нашей барышни – чтобы, значит, непременно в поместье уехать. Миледи была против, потому что, сэр, в эту пору она чем дальше от Холла, тем ей, сердешной, лучше. Но мисс Лиллиан она все-таки одну не пустила. Словом, сэр, вместе они уехали.

– А письма для меня они не оставили, Бедфорд?

– Как же, сэр! Имеется письмо! У нас тут весь дом вверх дном – собираемся, а до будуара мисс Лиллиан еще руки не дошли.

Бедфорд повел Пола в будуар, вручил ему письмо и удалился. Оказалось, письмо написала миледи. Состояло оно из нескольких сумбурных строк: сожаление по поводу внезапного отъезда – но без объяснения причины; надежда на возобновление знакомства в следующем сезоне – но никаких приглашений в Холл; благодарность и привет от Лиллиан – но без упоминания Елены; да еще пара комплиментов. Усмехнувшись, Пол швырнул письмо в камин и пробормотал:

– Бедная женщина воображает, что бегством спаслась от опасности! А Лиллиан пытается скрыть от меня свои затруднения. Нежное сердечко, скоро, скоро я утешу тебя.

Пол оглядел элегантную комнату, полную примет недавнего присутствия Лиллиан. Крышку пианино не опустили; на пюпитре были раскрытые ноты, в рабочей корзинке, рядом с миниатюрным наперстком, лежала неоконченная вышивка. На столе остались записки, рисунки и бальные книжки, перчатка жемчужного оттенка валялась на ковре, а в нише увядали цветы, принесенные Полом два дня назад. Пока его взгляд блуждал по будуару, продолжалось дивное сновидение; увы, слишком скоро его нарушили резкие голоса слуг, которые спешили заколотить особняк. Пол все медлил возле стола, желая найти некую вещь, имеющую отношение к нему самому.

«Нет, довольно возни с отмычками и прочих ухищрений. Ради нее я с ними завязываю. Вот это будет последняя моя кража; впрочем, вреда она никому не причинит и никаких тайн не откроет».

И, подхватив перчатку, Пол удалился.

– Елена, время пришло. Ты готова? – спросил он через час, входя в комнату.

– Я готова.

Елена поднялась, простерла к нему руку. Выражение гордости на ее лице мучительно контрастировало с беспомощностью этого жеста.

– Они уехали в Холл, и мы должны следовать за ними. Нет смысла тянуть долее, мы ничего не выиграем. Предъявлять свои права нам придется, основываясь на тех доказательствах, которые уже добыты. Либо, выжидая случая получить последнее звено этой цепи, мы неминуемо проиграем. Маскарад меня утомил. Я хочу быть самим собой и наслаждаться тем, что завоевал – пока не утратил обретенного.

– Что бы ни случилось, Пол, не забывай: мы должны держаться вместе, делить на двоих удачу и невезенье, как всегда и было. Без тебя мне не жить, ведь ты составляешь для меня весь мир. Не бросай меня, Пол.

Елена приблизилась к нему неуверенной походкой и почти повисла на его сильной руке; казалось, расцепи она пальцы – и неминуемо упадет. Пол обнял ее и, в задумчивости глядя в незрячее лицо, что прижалось к его плечу, заговорил:

– *Mia cara*⁸, ответь: твое сердце и впрямь будет разбито, если в последний момент я сдамся и не произнесу роковых слов? Боюсь, как бы мужество не подвело меня, да и в целом, я был бы рад оставить их в покое и простить им наши с тобой прежние невзгоды.

– Нет, нет, не отступайся! – вскричала Елена почти с яростью, и ее лицо вспыхнуло, ибо пробудилась от дремы пылкая натура южанки. – Ты так долго этого ждал, столько сделал, столько выстрадал... Неужели ты теперь упустишь свою награду? Ты дал мне обещание, и ты должен его сдержать.

– Простив их, мы явим величие наших душ! Это так прекрасно – заменить проклятие благословением. Давай позабудем о старой вражде, давай исправим прежнюю ошибку. Ведь они непричастны к нашим бедствиям, и разве не жестоко будет свалить грехи давно почившего человека на их невинные головы? Миледи и так уже настрадалась, а Лиллиан – почти дитя, беззаботное, не готовое противостоять буре. Поверь, Елена, милосердие превыше справедливости!

Пол говорил с глубоким чувством, и Елена, казалось, уже готова была сдаться, но имя Лиллиан произвело в ней внезапную перемену. Лицо побледнело, темные глаза вспыхнули недобрый огнем, в голосе зазвенела беспощадность, в то время как хрупкие руки обнимали Пола все крепче.

– Я не позволю тебе отступить! Мы с тобой тоже ни в чем не виноваты, а страдали больше, чем они. Мы заслуживаем того, что наше по праву, а касательно грехов – их нет на нас, нам нечего искупать. Продолжай наше дело, Пол, и забудь сентиментальный вздор, который не достоин мужчины.

Нечто в ее словах больно кольнуло, даже ранило молодого человека. Пол помрачнел, отстранил от себя Елену и бросил:

– Да будет так. Уезжаем через час.

В тот же день, вечером, леди Тревлин и ее дочь находились вдвоем в восьмиугольной гостиной своего поместья. Спускались сумерки. Свечей еще не принесли, но в большом камине пылал веселый огонь, и в его красноватых отблесках белокурые волосы Лиллиан отливали золотом, а на щеках миледи розовел слабый румянец. Лиллиан сидела в низком кресле возле камина; взор ее был устремлен на угли, а где витали мысли – оставалось только догадываться. Миледи лежала в нише на кушетке и пытливо смотрела на дочь, юное личико которой носило теперь печать тоски, что крайне беспокоило леди Тревлин.

– Ты сама не своя, дорогая, – наконец не выдержала миледи, нарушив долгое молчание. Заговорить ее вынудил невольный вздох Лиллиан, которая вдобавок вся как-то обмякла в своем кресле.

– Да, мама, ты не ошиблась.

– Что с тобой? Тебе нездоровится?

– Нет, очевидно, бурная светская жизнь мне пока не по годам. Ты предупреждала меня, что Лондон утомителен, и вот я сама убедилась в твоей правоте.

– Значит, ты бледна и подавлена только из-за усталости? Значит, по этой причине мы так скоропалительно вернулись домой?

Лиллиан, правдивая душа, помедлила всего мгновение, прежде чем ответить:

– Нет, мама, есть и другие причины, которые меня волнуют. Только не спрашивай о них, пожалуйста.

⁸ Моя дорогая (*итал.*).

– Как же не спрашивать? Откройся мне, доченька. Тебе встретился какой-то человек? Может быть, ты получала письма, или тебе досаждали иными способами?

Леди Тревлин говорила с нехарактерной для себя энергичностью, она даже приподнялась на локте, и в ее глазах явственно читались подозрение и тревога.

– Нет, ничего такого. Проблемы касаются моих чувств, – молвила Лиллиан, с удивлением взглянув на мать, причем при последних словах, которые она произнесла как бы нехотя, ее личико выразило девичью стыдливость.

– Значит, это всего лишь влюбленность, так, милая? Слава богу!

И миледи снова легла, испытывая явное облегчение.

– Поделись со мной, доченька. Поверь, нет лучшей confidentки, чем родная мать.

– Ты такая добрая, мамочка! Может статься, ты и впрямь исцелишь мое сердце... А все же мне очень стыдно, – прошептала Лиллиан. Затем, поддавшись неодолимому импульсу поискать сочувствия и помощи, она едва слышно добавила: – Я настояла на отъезде, чтобы не видеться с Полом.

– Потому что он любит тебя, Лиллиан? – уточнила миледи, хмурясь и в то же время невольно улыбаясь.

– Нет. Потому что он меня не любит.

Бедняжка закрыла руками свои пылающие щеки, смущенная до крайности – ведь она невольно призналась, что безответно влюблена.

– Быть такого не может, доченька. Сама я бы только радовалась, если бы Пол не любил тебя; с другой стороны, мне больно видеть, как ты страдаешь от этой мысли. Однако помни, Лиллиан: Пол тебе не пара, и выброси из головы эту привязанность, ибо она преходяща и выросла исключительно из прежних твоих отношений с этим человеком.

– Но ведь он благородного происхождения, а теперь еще и ровня мне, поскольку добыл состояние. А что до ума и душевных качеств, Пол одарен куда щедрее, чем я, – вздохнула Лиллиан, все еще не открывая лица, ибо слезинки сочились меж тонких пальчиков.

– Допустим. И все же этот человек окутан тайной, и я чувствую к нему неприязнь, хотя вроде бы знала его с лучшей стороны. Уверена ли ты, милая, что Пол не влюблен в тебя? На его лице я не раз читала совсем противоположное, а когда ты взмолилась об отъезде из Лондона, я подумала, что и ты догадалась о его любви и из милосердия решила избавить его от страданий.

– Нет, мама, это бегство – ради меня самой. Пол любит Елену и женится на ней, даром что она слепая. Он так сказал, и выражение его лица не оставило мне надежды. Потому-то я и сбежала, желая скрыть свое горе, – всхлипнула бедняжка Лиллиан в полном отчаянии.

Леди Тревлин поднялась, подошла к дочери и, устроив ее головку на своей груди, стала гладить золотистые волосы.

– Девочка моя, слишком рано ты узнала муки любви. Я наказана за то, что проявила слабость, ибо из-за моего попущения тебе открылся высший свет с его своеобразной атмосферой, – ласково заговорила миледи. – Ничего не поделаешь, за капризы приходится платить. Но, милая Лиллиан, призови на помощь гордость, исторгни из сердца эту любовь, от которой не будет проку. Не могли нежные чувства глубоко укорениться, ведь твое знакомство с Полом-мужчиной было совсем коротким, и едва ли ты влюбилась безнадежно. Помни: есть и другие молодые люди. Многие из них лучше, отважнее, чем Пол, и более достойны моей доченьки. А еще помни, что жизнь продолжается и сулит тебе неведомые новые радости.

– Не волнуйся, мамочка, я не опозорю тебя, не уроню своего достоинства, выброшу из сердца сентиментальную блажь. Я вполне способна справиться со своим чувством. Дай мне время, и увидишь – я стану прежней.

Лиллиан вскинула подбородок с видом гордым и решительным, который немало порадовал ее матушку, и вышла, чтобы наедине с собой облегчить сердце. Когда она исчезла, леди

Тревлин испустила глубокий вздох, сложила ладони в благодарственной молитве и с явным облегчением проговорила:

– Всего-навсего влюбленность! Я боялась новой беды, сродни беде старой. Семнадцать лет молчания, семнадцать лет тайных страхов и раскаяния! – продолжала она, меряя комнату шагами. Ее пальцы были переплетены, глаза горели невыразимым страданием. – Ах, Ричард, Ричард! Я давным-давно простила тебя, и уж наверное эти годы мучений искупили обиду, которую я – душой и разумом глупая девчонка – нанесла тебе! Я поступаю так ради дочери; ради нее остаюсь нема как рыба. Господь свидетель, для себя мне ничего не нужно, только бы упокоиться рядом с тобой.

Через полчаса на пороге возник Пол. Дверь была открыта: миледи с дочерью вернулись без предупреждения, и этим объяснялось, что дверей никто не запер, а по коридорам не сновала прислуга. Войдя никем не замеченным, Пол добрался до спальни миледи. Огонь в камине почти догорел, кресло, в котором обычно сидела Лиллиан, пустовало, а сама миледи спала, убаюканная ветрами, что завывали снаружи, и глубокой тишиной, что царила внутри. Некоторое время Пол смотрел на миледи, причем великая жалость смягчила выражение его лица, когда он отметил круги под глазами, бледность щек, слишком рано поседевшие локоны и губы, которые шевелились даже во сне, ибо сон был тревожный.

– Не хотелось бы мне этого делать, – вздохнул Пол и склонился над миледи, намереваясь разбудить ее словом.

И вдруг она, по-прежнему погруженная в сон, стиснула цепочку медальона, как будто не желая уступить его невидимому врагу и даже повергнуть этого врага. В пылу борьбы миледи заговорила; речь была отчетливой, тонкие руки терзали золотую цепочку. Пол замер, ибо уже первое слово потрясло его. Он не шелухнулся, прислушиваясь, до тех пор, пока не прошел припадок и миледи не задышала ровнее и спокойнее. Тогда, быстро оглядевшись, Пол умело открыл медальон, извлек серебряный ключик, положил на его место похожий ключик от пианино и вышел из дома так же бесшумно, как и вошел.

Той же ночью, в самый темный предрассветный час, некая фигура проскользнула по дорожке тенистого парка и исчезла в глухом его уголке, где находился фамильный склеп. В руке незнакомца мигнул огонек, послышалось звяканье засовов и скрип ржавых дверных петель, после чего тьма поглотила и человека, и несомый им свет. В зловещем чреве склепа, в его спертном воздухе фонарь едва-едва озарял ниши, в которых стояли гробы, всюду виднелись либо угадывались признаки распада и смерти. Незнакомец надвинул шляпу на глаза, шарфом завязал себе рот и нос и обвел подземелье бесстрашным взором, хотя в мертвой тишине отчетливо слышалось, как колотится его сердце.

Ближе всего ко входу стоял длинный гроб, покрытый черным бархатом и окованный серебром, некогда ярким, теперь потемневшим. Все Тревлины отличались высоким ростом, и последний из почивших в этом склепе определенно был под стать своим предкам. Его гроб не уступал размерами древним дубовым гробам, где покоились кости представителей многих поколений. На табличке в форме щита значилось «РИЧАРД ТРЕВЛИН», после имени стояли даты рождения и смерти. Казалось, незнакомец очень доволен собой, мужчина вставил ключ в замок, приподнял крышку гроба и, отворачиваясь, дабы не увидеть разрушений, которые постигли тело за семнадцать лет, сунул руку внутрь. На груди покойного, в складках савана, рука нащупала заплесневелый лист бумаги. Лист был извлечен; мужчина быстро взглянул на него, запер гроб, задвинул засовы, погасил фонарь и исчез, сам подобный призраку, во мраке ненастной октябрьской ночи.

Глава VIII

Кто?

– К вам джентльмен, миледи.

Взяв визитную карточку с серебряного подноса, на котором ее подал лакей, леди Тревлин прочла имя – «Пол Тальбот» – и приписку, сделанную карандашом: «Умоляю принять меня».

Лиллиан стояла рядом; она тоже видела карандашную строку. Взгляды матери и дочери встретились. Девичье личико, вспыхнув надеждой, явило такие любовь и томление, что леди Тревлин просто не смогла разочаровать дочь или допустить, чтобы она маялась неизвестностью.

– Я приму его, – молвила миледи.

– Ах, моя великодушная мама! – воскликнула Лиллиан и бросилась обнимать леди Тревлин. Задышавшись от волнения, она добавила: – Встречи со мной он не просит, значит, мне присутствовать нельзя. Не беда: я спрячусь в эркере и смогу выйти или выскочить в сад – в зависимости от того, с чем явился Пол.

Разговор происходил в библиотеке. Лиллиан нравилась эта комната, ведь с нею у девушки в отличие от матери не было неприятных ассоциаций, и леди Тревлин, подавляя тяжелые воспоминания, частенько сидела с дочерью именно здесь. Сейчас Лиллиан, чтобы слова не расходились с делом, скользнула в эркер и задернула тяжелые шторы. И как раз вовремя, ибо возле дверей послышались шаги Пола. Миледи, с женской ловкостью скрывая волнение, поднялась и приветливо протянула руку, однако гость, поклонившись, произнес почтительно и серьезно (впрочем, в интонациях его угадывалась буря чувств):

– Простите, леди Тревлин. Сначала послушайте меня. Если и после моей речи вы подадите мне руку, я с благодарностью приму ее.

Миледи заметила, что Пол очень бледен и еле сдерживает волнение. Он имел вид мужчины, который ценой огромных усилий настроился на выполнение трудного и очень важного задания. Сочтя эти признаки естественными для влюбленного, что явился свататься, миледи с улыбкой уселась в кресло и спокойно отвечала:

– Я готова выслушать тебя, Пол. Говори без утайки и помни, что мы связаны давней дружбой.

– Хотел бы я об этом забыть. Тогда моя задача упростилась бы, – пробормотал Пол со смесью сожаления и решимости, облокотился на высокую спинку стула и вытер влажный лоб. Глаза его выражали столь глубокое сострадание, что сердце миледи содрогнулось от дурных предчувствий.

– Я должен поведать вам длинную историю и испросить вашего прощения за недостойные поступки, которые я совершил, будучи юнцом. В то время мною двигало ложное представление о долге. Теперь я осознал свои ошибки и раскаиваюсь в них, – начал Пол.

– Продолжайте, – велела миледи.

Ею постепенно овладевал ужас, и требовались все силы, чтобы достойно встретить неминуемое потрясение. Она позабыла, что Лиллиан прячется в эркере; она позабыла обо всем и видела только, что молодой человек ведет себя странно, и внимала ему, замерев как изваяние. Пол, по-прежнему очень бледный, поспешно заговорил, лишь глаза его выражали жалость и раскаяние.

– Двадцать лет назад некий английский джентльмен встретился в итальянском городке со старым приятелем, женатым на местной красавице. У нее была столь же прелестная сестра. Наш джентльмен влюбился и тайно женился, из опасения, что отец, если проведаст об этом браке, лишит его наследства. Прошло несколько месяцев, и джентльмену потребовалось вернуться на родину, ибо отец его скончался, нужно было принять титул и имение. Джентльмен

уехал один, пообещав, что вызовет к себе жену, когда разберется с делами. Своим знакомым в Англии он даже не намекнул, что женат, намереваясь явить красавицу-итальянку сюрпризом. Однако он пробыл в Англии совсем недолго, когда пришло письмо от старика-священника, жившего в том же итальянском городке. Священник сообщил, что там свирепствует холера, что она прибрала половину населения, и в числе жертв – его жена и друг. Известие стало ударом для джентльмена. Чуть оправившись от горя, он заперся в своем поместье и попытался обо всем забыть. Случайность столкнула его с другой прелестной женщиной, и он вступил в новый брак. Не прошло и года его супружества, когда в доме появился тот самый друг, якобы умерший от холеры, и сообщил, что жена его жива и что она родила ему дитя. Во время эпидемии кругом царил неразбериха, вот священник и перепутал сестер: старшая из них действительно умерла.

– Это мне известно; продолжайте! – сорвалось с белых губ миледи, которая в упор глядела на рассказчика.

– Овдовевший друг и его свояченица вместе бежали из проклятого городка. Удача им не улыбнулась. Они долго ждали писем и сами писали исчезнувшему мужу, но ответа не было. Сразу отправиться в Англию им не дали болезнь и бедность. Родилось дитя. Друг, побуждаемый свояченицей и собственными интересами, все-таки прибыл в Англию, узнал, что сэр Ричард женился вторично, и, крайне опечаленный, поспешил к нему в поместье. Легко вообразить ужас несчастного. Он обещал ничего не требовать от сэра Ричарда и хранить его тайну, пока сэр Ричард не придумает, как изменить ситуацию к лучшему. С тем он и уехал.

Сэр Ричард в своем прощальном письме к леди Тревлин не лукавил – он и впрямь был намерен совершить самоубийство, ибо не видел иного выхода. Обе женщины были ему дороги, и обеих он невольно обманул. Пистолет лежал тут же, но смерть пришла сама, сняв лишний грех с души двоеженца.

Пол замолк, чтобы перевести дыхание, однако леди Тревлин – бледная, точно мраморная статуя – жестом велела ему продолжать.

– Друг только и успел, что добраться до дома и поведать свояченице печальную историю; его силы иссякли, и он умер. Умерла и бедная женщина – удар оказался слишком тяжел для нее. Перед смертью она взяла со старого священника клятву: он добьется, чтобы ее дитя получило права и имущество, которые полагаются ему по рождению, а главное – обрело имя отца. Увы, священник был беден, а дитя не отличалось крепким здоровьем. Многие годы священник бездействовал. К тому времени, как дитя достаточно подросло, чтобы спросить о своих отце и матери и потребовать то, что ему причиталось, свидетельства законности брака были утеряны. Остались лишь кольцо, письмо и имя. Священник совсем одряхлел, у него не было ни друзей, ни денег, ни доказательств. Зато меня распирало от юношеской энергии и уверенности. Сам еще мальчишка, я решил, что миссия эта мне по плечу. Я добрался до Англии, проник в Тревлин-Холл и посредством целого ряда хитростей и уловок (среди которых, к моему стыду, числятся отмычки и ложь о сомнамбулизме) сумел собрать немало доказательств. Увы, ни одно из них не считалось бы достаточно убедительным в суде, ибо только вам, миледи, было известно, где находится прощальное письмо сэра Ричарда. Я обшарил все закоулки в вашем доме и начал уже отчаиваться, когда получил весть о смерти отца Космо и поспешил в Италию, ведь некому, кроме меня, стало заботиться о Елене. Оказалось, что старик священник сохранил все переданные ему мною бумаги и даже отыскал свидетелей, готовых подтвердить законность брака. Тем не менее, в течение четырех лет я не предпринял ни одной попытки заявить права на титул и имущество.

– Почему? – выдохнула миледи едва слышно, ибо надежда затеплилась в ее сердце.

– Меня останавливало чувство благодарности. – Голос Пола впервые дрогнул. – Я был вам чужой, а вы дали мне приют. Мысль о вашей доброте, о милостях, которые вы расточали одинокому юноше, всегда жила в моем сердце. Я помнил об этом, даже совершая неблагоприят-

ные поступки, не мог забыть этого даже вдали от вас. Но Елена не давала мне покоя; ради меня самого она требовала, чтобы я сдержал клятву, данную священником несчастной оставленной жене, и угрожала, что сама расскажет всю историю. Щедрость Тальбота не оставила мне предлогов и дальше уклоняться, и я приехал сюда с целью завершить тяжелейшее задание во всей моей жизни. Я опасался, что обращение в суд вызовет долгие прения, и хотел прежде открыться вам, но судьба благоволила ко мне – и вот найдено последнее доказательство.

– Где, где вы его нашли? – вскричала леди Тревлин и, охваченная ужасом, вскочила на ноги.

– В гробу сэра Ричарда – там, где вы его спрятали, не решившись уничтожить, но и страшась хранить в доме.

– Кто же меня выдал? – Леди Тревлин обвела комнату полубезумным взглядом, словно обвинителем мог оказаться призрак.

– Вас выдали ваши уста, миледи. Вчера ночью я пришел сюда ради беседы с вами. Вы спали, вам снился тревожный сон, и вы говорили о бумаге, которую хранит тот, кто ее написал, и о вашем странном сокровище – ключе, с которым вы не растаетесь ни днем, ни ночью. Тут-то меня и осенила догадка, тем более что я вспомнил рассказы Эстер. Я взял ключ из вашей бессильной руки, нашел письмо на груди мертвого сэра Ричарда – и вот требую, чтобы вы признали свою роль в этой трагедии.

– Я ее признаю! Я сдаюсь, я отказываюсь от всего и прошу только явить милость к моей дочери.

Леди Тревлин рухнула на колени. Хотя ее поза выражала смирение, глаза женщины горели мольбой, ведь материнская любовь выжила под обломками огромного богатства и руин гордости.

– Кому же и являть к ней милость, как не мне? Господь свидетель, я не посмел бы нанести мисс Лиллиан такого удара, если бы не Елена с ее угрозами. Она вынудила меня завершить начатое. Передайте это Лиллиан и скажите, чтобы не питала ко мне ненависти.

Пока лились эти нежные слова, штора шевельнулась и вышла Лиллиан. Из рассказа она вынесла единственную мысль, и с нею-то бросилась Полу в объятия, восторженно восклицая:

– Брат! Брат! Теперь мне можно любить тебя!

Пол прижал ее к себе и целое мгновение блаженствовал. Лиллиан первой нарушила молчание. Сквозь слезы умиления заглядывая Полу в лицо и своей маленькой ладошкой поглаживая его щеку, она зашептала пылко, ибо в ней расцвела женственность:

– Теперь я могу любить тебя, не таясь, теперь твоя женитьба на Елене не разобьет моего сердца. Ах, Пол, ты по-прежнему мой, а больше мне ничего не нужно!

– Нет, Лиллиан, я тебе не брат.

– А кто? Ответь, ради всего святого! – вскричала Лиллиан, вырываясь из его объятий.

– Твой возлюбленный, душа моя!

– Кто же тогда наследник? – спросила леди Тревлин и встала на ноги, поскольку Лиллиан оглянулась на нее, ища защиты.

– Я!

Голос принадлежал Елене, а она сама стояла на пороге, и ее прекрасное лицо было холодно и надменно.

– Ты плохой рассказчик, Пол, – с горечью продолжала Елена. – Ты забыл упомянуть обо мне, ты ни словом не обмолвился о моих бедствиях, о моем одиночестве, о моем недуге, о желании восстановить честь матери и вернуть имя отца, которое столь естественно для дочери. Ибо я – старшая дочь сэра Ричарда. Я могу доказать, что это так и есть, и я требую того, что мое по праву рождения. А в помощь мне – признание, собственноручно написанное моим отцом.

Елена выдержала паузу, однако никто не сказал ей ни слова, и тогда с легкой дрожью в голосе, исполненном гордыни, она продолжила:

– Пол выполнил свою миссию, ему причитается награда. Мне нужно одно – имя моего отца. Для такой, как я, титул и состояние ничего не значат. Я жаждала их получить только для того, чтобы передать своему единственному другу, неизменно нежному и преданному – тебе, Пол.

– Я отказываюсь! – проговорил Пол почти яростно. – Я сдержал обещание – значит, теперь свободен. Ты поступила по-своему, а ведь я предлагал тебе за молчание все, что имею. Что ж, титул, земли, деньги отныне твои! Владей ими и радуйся, если сможешь. А мне награды за содеянное не нужно.

И Пол отвернулся от Елены. Не будь она слепа, выражение его лица поразило бы девушку в самое сердце. Но даже не видя Пола, Елена почувствовала его настрой, и угаданная ярость словно усилила некую тайную боль, ибо черты Елены исказились, и она, прижав руки к груди, воскликнула:

– О да, я вступлю во владение титулом, землей и прочим, ведь все остальное я утратила. Мне опротивела брезгливая жалость. Власть сладка, и я воспользуюсь ею. Ступай прочь, Пол! Будь и ты счастлив, если счастье возможно с безродной женой и если сочувствие, а то и презрение всего света не слишком болезненны для твоей гордости.

– Куда мы пойдем, Лиллиан, ведь наш дом уже не наш! Кто нас приютит? – в отчаянии спрашивала леди Тревлин, раздавленная мыслью о позоре и бедствиях, что уготованы ее обожаемой, ни в чем не повинной дочери.

– Я.

Лицо Пола осветилось изнутри, и у леди Тревлин и Лиллиан отпали все сомнения в его любви и преданности.

– Миледи, вы приютили меня, когда мне было негде приклонить голову; теперь я верну долг. Лиллиан, ты владела моими помыслами уже в те времена, когда, юный романтик, я носил на груди твой портрет и клялся завоевать тебя, если будет угодно судьбе. Раньше мое положение сковывало мой язык, теперь же, в час, когда прочие сердца могут закрыться перед тобой и твоей матушкой, мое сердце остается распахнутым для вас обеих. Позвольте мне защищать и лелеять вас и тем искупить горе, которое я вам принес.

Невозможно было противиться искренней настойчивости в голосе и нежной почтительности Пола, берущего под крыло двух обездоленных, ни в чем не повинных женщин. Обе инстинктивно прильнули к нему, чувствуя, что хотя бы один надежный друг остается с ними, что трудности его не отвратят. Тишина, которая выразительнее любых речей, воцарилась в комнате, лишь изредка слышались всхлипывания и благодарный шепот, да еще влюбленные обменивались клятвами, кои даются посредством взглядов, рук и губ. Елена была забыта.

Наконец Лиллиан, от природы отходчивая, привыкшая стряхивать с души печаль, как цветок стряхивает дождевые капли, подняла глаза, чтобы Пол в очередной раз прочел в них благодарность, и заметила одинокую фигуру в тени дверного проема. Ее вид вызывал жалость. Она так и не переступила порога библиотеки, ведь никто не пригласил ее войти, да и она не сориентировалась бы в незнакомой комнате. Руки Елена сцепила, закрыв лицо, словно незрячие глаза каким-то чудом увидели всеобщую радость, в которую она сама не была вовлечена; у ног ее лежал поношенный временем лист бумаги, дающий лишь титул – и ни капли любви. Даже если бы Лиллиан знала, сколь жестокая борьба между страстью и гордостью, ревностью и великодушием происходит сейчас в этом юном сердце, она и тогда не смогла бы взять тон, исполненный более прочувствованного сострадания и более искренней доброжелательности.

– Несчастливая девушка! – воскликнула Лиллиан. – Мы забыли о ней, а ведь при всем своем богатстве по сравнению с нами она бедна. Мы с нею рождены от одного отца и должны любить друг друга, несмотря ни на что. Елена, можно я буду звать тебя сестрой?

– Пока нет. Подожди, пока я это заслужу.

И вот, словно нежный голос зажег ответную искру благородства, лицо Елены чудесно преобразилось. Она изорвала письмо; клочки падали из ее рук, она же говорила радостно и пылко:

– Я тоже могу быть великодушной. Я тоже способна прощать. И я похороню печальное прошлое. Смотрите! Я отрекаюсь от всех притязаний, уничтожаю доказательства, обещаю вечно хранить молчание и довольствоваться единственным титулом – «кузина Пола». Да, вы счастливы, потому что любите друг друга! – добавила она с надрывом и залилась слезами. – Простите меня, имейте ко мне жалость, не отвергайте меня, ведь я одинока, я в вечной тьме!

Такая мольба предполагала один-единственный ответ – и он был дан. Елена была принята, и взаимные клятвы – вечно хранить общую тайну – скрепили сей основанный на жертвенности союз.

Они жили счастливо, и свет никогда не узнал, благодаря каким узам эти четверо так преданы друг другу, насколько точно исполнилось древнее пророчество и какую трагедию жизни и смерти отомкнул серебряный ключ.

Под маской, или Женская сила

Глава I Джин Мьюр

– Она уже здесь?

– Нет, маменька, пока нет.

– Хорошо бы все уже было позади. Как подумаю об этом – тревожно делается и сердце так колотится. Белла, принеси мою подушку, ту, которую я кладу под спину.

Бедная, вечно недовольная миссис Ковентри, нервически вздохнув и приняв вид мученицы, уселась в мягкое кресло, а ее хорошенькая дочка склонилась над нею с неподдельным желанием угодить.

– Не знаешь, Люсия, о ком это они говорят? – осведомился томный молодой человек.

Он полулежал на диване и обращался к своей кухне, которая была занята вышиванием, но ее обычно надменное лицо оживила счастливая улыбка.

– О новой гувернантке, мисс Мьюр. Хочешь, расскажу о ней поподробнее?

– Нет, уволь, я питаю глубокое отвращение ко всей их породе. Хвала небесам, у меня всего одна сестра, притом избалованная – и до сих пор я был избавлен от казни, имя которой – гувернантка.

– Что же ты станешь делать теперь? – спросила Люсия.

– Покину дом на то время, пока она здесь.

– Не покинешь. Ты, Джеральд, для этого слишком ленив, – произнес юноша более энергичный, чем его брат; до сих пор он скрывался в нише и возился с собаками.

– Дам ей срок в три дня: если выяснится, что ее присутствие можно терпеть, тогда я не стану утруждать себя отъездом. Если же – в чем я совершенно уверен – она окажется несносной занудой, – только вы меня в этом доме и видели.

– Умоляю вас, мальчики, не говорить о ней в таком удручающем тоне. Вы даже не представляете, как я страшусь встречи с незнакомкой. Однако Беллой никто толком не занимался, так не может продолжаться. Ради Беллы я, ваша бедная мать, нашла в себе силы выдержать это испытание в виде чужой женщины в доме. Люсия любезно согласилась контролировать мисс Мьюр, начиная с сегодняшнего вечера.

– Не волнуйся, мамочка. Мисс Мьюр будет очень мила; когда мы к ней привыкнем, то только будем рады, что наняли ее. Здесь ужасно скучно, а мисс Мьюр, по словам леди Сидней, особа спокойного нрава, опытная в своем деле и дружелюбная; ей нужно пристанище, а мне, неотесанной – шлифовка. Постарайся, мамочка, полюбить мисс Мьюр хотя бы ради меня.

– Хорошо, родная. Однако час поздний; надеюсь, ничего не случилось? Джеральд, ты распорядился послать на станцию экипаж?

– Нет, я забыл. Не беда: от станции до нас близко. Пешочком прогуляется, ничего с ней не делается.

– Вовсе ты не забыл, ты просто поленился! Не годится девушке самой искать дорогу, да еще и вечером. Она сочтет это грубостью с нашей стороны. Будь добр, Нед, распорядись насчет экипажа.

– Нет смысла, Белла. Поезд пришел довольно давно. В следующий раз обращай ко мне, а не к Джеральду. Мы с матушкой проследим, чтобы все было в лучшем виде, – сказал Эдвард.

– Нед в таком возрасте, когда можно потерять голову из-за первой встречной девицы. Следи за гувернанткой, Люсия, не то она приворожит нашего Неда.

Джеральд произнес эти слова язвительным шепотом, однако Эдвард их расслышал и ответил с добродушной усмешкой:

– Жаль, что ты, брат, потерять голову в принципе не способен. Подай добрый пример – и, клянусь, я ему последую. А что до гувернантки, она – женщина, и обращаться с нею надо учтиво. Нет, даже больше, чем учтиво; надо проявить к ней доброту, ведь она бедна и никого здесь не знает.

– Милый, славный и великодушный Нед! Мы с тобой возьмем мисс Мьюр под крыло, не так ли?

Белла резво подбежала к брату и встала на цыпочки, желая поцеловать его. Эдвард не нашел в себе сил уклониться от поцелуя – столь свежи были розовые губки, столь ярко сияли глаза, полные сестринской нежности.

– Очень надеюсь, что она успела на вечерний поезд, ибо, если уж я делаю над собой такое усилие – принять кого бы то ни было, моя жертва не должна пропасть даром. Пунктуальность – великая добродетель; увы, теперь очевидно, что эта женщина ею не обладает, ведь она обещала приехать к семи, а семь пробило уже давно... – начала миссис Ковентри таким тоном, словно ей нанесли душевную рану.

Однако прежде, чем она перевела дух для новой тирады, часы пробили ровно семь. И одновременно с последним ударом зазвонил дверной колокольчик.

– Это она! – воскликнула Белла и обернулась к двери, как будто намереваясь бежать навстречу мисс Мьюр.

Люсия в корне пресекла это намерение, заявив авторитетным тоном:

– Оставайся здесь, дитя. Помни о разнице между собой и этой женщиной: это она должна бежать к тебе, а не ты к ней.

– Мисс Мьюр! – объявил лакей, и на пороге возникла миниатюрная фигурка в черном платье.

На миг все замерли, и в течение этой паузы гувернантка успела разглядеть своих новых хозяев и показать им себя. Все смотрели на мисс Мьюр; взгляд, которым она смерила все семейство Ковентри, оказался неожиданно пронизательным. Впрочем, мисс Мьюр тотчас опустила глаза, сделала книксен и вошла в комнату. Эдвард шагнул к ней навстречу; в его стремительности читалась искренняя сердечность – такую ничто не стушует и не охладит.

– Матушка, вот особа, которую ты ждала. Мисс Мьюр, примите наши извинения за то, что вас не встретили на станции. Недоразумение произошло по вине одного лентяя, который просто забыл распорядиться, вследствие чего экипаж не был отправлен. Белла, подойди сюда.

– Благодарю вас, однако не стоит извиняться. Я и не ждала, что за мной приедут.

И гувернантка, не поднимая глаз, с самым кротким видом присела на стул.

– Я очень рада вас видеть. Давайте ваши вещи, – сказала Белла, сильно смущаясь.

Джеральд с проблесками вялого интереса наблюдал эту сцену, а Люсия словно окаменела.

Миссис Ковентри решила, что пора приступать к интервью:

– Вы проявили пунктуальность, мисс Мьюр; я довольна вами. Вероятно, леди Сидней сообщила вам о плачевном состоянии моего здоровья; именно оно – та причина, по которой все, связанное с занятиями мисс Ковентри, я переадресую своей племяннице. Вам надлежит следовать ее указаниям, ибо ей известны мои требования. Так как письмо леди Сидней было весьма кратким, позвольте узнать о вас несколько фактов.

– Спрашивайте о чем вам будет угодно, мадам, – тихо и печально ответила мисс Мьюр.

– Вы шотландка, насколько я поняла?

– Да, мадам.

– Ваши родители живы?

– В целом мире у меня нет ни единой родной души.

– Боже, как грустно! Вы ведь не откажетесь сообщить ваш возраст?

– Мне девятнадцать лет.

Мисс Мьюр сцепила пальцы, как бы смиряясь с тем, что «несколько фактов» выливаются в целый допрос; при этом на ее губах возникла – и тут же погасла – легкая улыбка.

– Всего девятнадцать! Из письма леди Сидней мы сделали вывод, что вам около двадцати пяти. Верно, Белла?

– Нет, мамочка. Леди Сидней написала, что ей кажется, будто мисс Мьюр двадцать пять. Не задавай таких вопросов при всех – это смущает мисс Мьюр, – прошептала Белла.

Ей достался быстрый, исполненный благодарности взгляд. Тотчас вновь опустив ресницы, мисс Мьюр заговорила тихим голосом:

– Я хотела бы, чтобы мне было уже тридцать. Пока же я не достигла этого возраста, я стараюсь выглядеть старше своих лет.

Разумеется, теперь уже все взгляды устремились на мисс Мьюр, и каждый из присутствующих ощутил укол жалости при виде бледненького личика и черного платья – совсем простого, без каких-либо украшений. Единственным украшением мисс Мьюр служил серебряный крестик на шее. Миниатюрная, худенькая девушка казалась бы совсем бесцветной, если бы не золотистые волосы. Глаза у нее были серые, черты лица – неправильные, но очень выразительные. Бедность наложила печать на весь облик мисс Мьюр, видно было, что жизнь куда чаще обдавала эту девушку холодом, чем купала в солнечных лучах. Однако нечто в линии губ выдавало внутреннюю силу, а чистый низкий голос, обладавший широким спектром интонаций, мог и повелевать, и умолять. Не будучи красавицей, мисс Мьюр не была и заурядной. Больше того, сидя со скорбным выражением подвижного лица, сложив на коленях тонкие руки и поникнув головкой, она вызывала интерес куда более сильный, нежели способны вызвать беззаботные, оживленные, цветущие барышни.

Вмиг охваченная жалостью к одинокой и бесприютной мисс Мьюр, Белла подсела к ней поближе, а Эдвард весьма тактично переключил внимание на собак, чтобы его присутствие не смущало бедняжку.

– Насколько я знаю, вы были больны, – продолжала миссис Ковентри, найдя данный факт самым занятным из всех известных ей о новой гувернантке.

– Да, мадам, я только неделю назад вышла из больницы.

– Вы уверены, что вполне окрепли для исполнения своих обязанностей?

– Мне нельзя тратить время на то, чтобы достаточно окрепнуть. Вдобавок, если вы решите оставить меня, здешний воздух очень скоро придаст мне новых сил.

– Подготовлены ли вы к тому, чтобы учить мою дочь музыке, французскому языку, рисованию?

– Я приложу все усилия, чтобы вы убедились в моих умениях.

– Не изволите ли пройти к фортепьяно и исполнить арию-другую? Хотелось бы взглянуть на вашу манеру исполнения – видите ли, в девичестве я сама прекрасно музицировала.

Мисс Мьюр поднялась, огляделась в поисках инструмента, обнаружила его в дальней нише и направилась к нему. Ей пришлось пройти мимо Джеральда с Люсией, и она не удостоила их взглядом. За нею следовала Белла, восхищенная и обо всем позабывшая. Мисс Мьюр заиграла так, как может играть только человек, всей душой любящий музыку и достаточно овладевший искусством ее исполнения. Это было волшебство; никто не остался безучастен, даже вялый Джеральд выпрямился на диване, а Люсия отложила вышивание. Что касается Неда, он, как зачарованный, следил за движениями тонких белых пальчиков мисс Мьюр и дивился их власти над клавишами.

– Пожалуйста, спойте что-нибудь, – попросила Белла, когда закончилась блистательная увертюра.

Все с той же кротостью мисс Мьюр согласилась и спела шотландскую народную песню – столь незатейливую в своей сладостной печали, что глаза Беллы увлажнились, а миссис Ковен-

три достала носовой платок. Вдруг мелодия оборвалась, так как мисс Мьюр, бледная и неподвижная, словно ее настигла внезапная смерть, обмякнув в обмороке, не смогла удержаться на стуле и в следующий миг оказалась лежащей на полу у ног своих потрясенных слушателей. Эдвард подхватил девушку на руки, согнал с дивана Джеральда и уложил на его место мисс Мьюр. Белла бросилась растирать ей ладони, миссис Ковентри зазвонила в колокольчик, призывая прислугу. Люсия смачивала уксусом виски бедной гувернантки, а Джеральд, ощутив непривычный прилив энергии, принес ей бокал вина. Вскоре губы мисс Мьюр дрогнули, она сделала вдох и пролепетала с прелестным шотландским акцентом, словно возвращаясь из дорогого сердцу прошлого:

– Матушка, заberi меня к себе, ведь я так несчастна и одинока!

– Выпейте глоток, вам это будет полезно, милочка, – сказала растроганная миссис Ковентри.

Мисс Мьюр села на диване, обвела всех непонимающим взором, затем вернулась в действительность и произнесла смущенно:

– Прошу меня простить. Я с самого утра на ногах. Я так боялась, что не успею к вам вовремя, что о еде и думать не могла. Мне уже лучше; прикажете закончить песню?

– Ни в коем случае! Вам нужно выпить чаю, – воскликнула Белла, охваченная жалостью и раскаянием.

– Сцена первая; исполнение блестящее, – шепнул Джеральд своей кухне.

Мисс Мьюр была совсем рядом; любой бы решил, что она внимает речам миссис Ковентри насчет ее склонности к обморокам, однако она отлично расслышала слова Джеральда. Гувернантка оглянулась – и жест, и взор были точь-в-точь как у библейской Рахили, а серые глаза мисс Мьюр на мгновение сделались черными. Их преобразили гнев, гордость и вызов. Странная улыбка возникла на ее губах, когда она, поклонившись, произнесла проникновенным голосом:

– Благодарю, заключительная сцена будет исполнена еще лучше.

Молодой Ковентри был человеком холодным, апатичным, эмоции испытывал редко, страстей, как сладких, так и мучительных, не ведал. И все же под взглядом гувернантки, при звуке ее голоса он испытал чувство совершенно новое, неопределенное, но очень сильное. Ковентри вспыхнул и смутился едва ли не впервые в жизни. Люсия заметила это и возненавидела мисс Мьюр; сама она немало лет прожила под одной крышей со своим кузеном, но ни разу ни ее слово, ни взгляд не возымели на него подобного действия. Мгновение миновало; Ковентри стал прежним, и ничто больше не говорило о перемене в нем – разве только проблеск интереса в вечно сонных глазах да оттенок ярости в саркастическом тоне.

– Целую мелодраму разыграла! Завтра меня здесь не будет, – отчеканил Ковентри.

Люсия рассмеялась; Ковентри весьма порадовал ее, когда прошел к столу, возле которого расположились остальные, и принес ей чашку чаю. Миссис Ковентри, выбитая из колеи обмороком мисс Мьюр и суетой вокруг нее, нашла прибежище в любимом кресле. Белла хлопотала возле матери, а Эдвард, страстно желая накормить бледненькую гувернантку, выполнял неуклюжие манипуляции с чайными принадлежностями. Правда, сначала он метнул на свою кухню молящий взгляд, который та предпочла не заметить. Когда Эдвард опрокинул чайницу и издал возглас отчаяния, мисс Мьюр деликатно пересела поближе к спиртовке и, застенчиво улыбнувшись юноше, произнесла с улыбкой:

– Если позволите, я немедленно приступлю к своим обязанностям. Я знаю толк в заваривании чая и умею угождать любым вкусам. Подайте мне мерную ложечку, пожалуйста. Дальше я справлюсь сама, только скажите, с чем ваша матушка пьет чай и какую крепость предпочитает.

Эдвард придвинул стул к столу и стал подшучивать над собственной неловкостью, пока мисс Мьюр заваривала чай; ее движения были уверенными и грациозными, поэтому процесс

представлял собой прелестное зрелище. Когда мисс Мьюр вручила чашку Джеральду, тот не сразу отошел от стола, а стал задавать вопросы брату, чтобы потянуть время. Мисс Мьюр в течение этой паузы обращала на него внимания не больше, чем на статую. Затем поднялась, взяла сахарницу и прошла к миссис Ковентри, которую уже покорили скромность, хозяйственность и ловкость новой гувернантки.

– Вы истинное сокровище, моя милая; такого чая я не пила с тех пор, как умерла бедняжка Эллис, моя горничная. Белла вовсе не умеет заваривать чай, а Люсия вечно забывает про сливки⁹. Похоже, вы знаете толк во всем, за что беретесь. Весьма приятно иметь в доме такого человека.

– Если позволите, мадам, я всегда буду готовить для вас чай. Это доставит мне огромное удовольствие.

К столу мисс Мьюр вернулась уже с легким румянцем, добавившим ей привлекательности.

– Мой брат интересуется, был ли дома молодой лорд Сидней, когда вы уезжали, – сказал Эдвард, поскольку Джеральд не снизошел до того, чтобы повторить вопрос.

Мисс Мьюр взглянула на молодого Ковентри и ответила, при этом ее губы едва заметно дрожали:

– Нет, он уехал за две-три недели до этого.

Джеральд вернулся к кухне и бросил, растягиваясь на диване:

– Нет, завтра не уеду; выжду три дня.

– Зачем ждать? – нахмурилась Люсия.

Джеральд понизил голос и, многозначительно кивнув в сторону гувернантки, объяснил:

– Затем, что у меня родилось подозрение. В последнее время Сидней был сам не свой, а потом и вовсе уехал, никому не сказав ни слова. Вот я и думаю: уж не мисс ли Мьюр тому причиной? Люблю романтические истории в реальной жизни, если, конечно, они не слишком затянuty и не слишком запутанны.

– По-твоему, она хорошенькая?

– Ничего подобного; я бы сказал, она наводит жуть.

– Почему тогда ты решил, будто Сидней в нее влюблен?

– Потому что он престранный тип: ему по вкусу острые ощущения и все в таком духе.

– В каком духе, Джеральд?

– А вот спровоцируй-ка эту Мьюр и поймешь, когда она посмотрит на тебя так же, как она посмотрела на меня. Как насчет второй чашки чаю, Юнона¹⁰

⁹ Согласно этикету, сливки или молоко наливаются в пустую прогретую чашку, и уже затем туда добавляются чай; наливать сливки или молоко в чашку с чаем недопустимо.

¹⁰ Юнона – древнеримская богиня, считавшаяся защитницей и особым советником государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.